

Александр Яковлев

Путь истины

Очерки о людях Церкви
XIX-XX веков

Александр Яковлев

**Путь истины. Очерки о
людях Церкви XIX–XX веков**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2014

УДК 271.2-335

ББК 86.372

Яковлев А. И.

Путь истины. Очерки о людях Церкви XIX–XX веков /
А. И. Яковлев — «Московское Троицкое Подворье Свято-
Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2014

ISBN 978-5-7789-0276-3

Книга представляет собой рассказы о людях Русской Церкви, о жизни и деятельности видных иерархов и простых монахов, священнослужителей и мирян. Среди ее героев святители Филарет Московский и Иннокентий Херсонский, духовный писатель А. Н. Муравьев и обер-прокурор К. П. Победоносцев, новомученики Церкви Русской и патриархи советской эпохи, православные епископы XX века митрополит Вениамин (Федченков) и митрополит Антоний (Блум) и другие.

УДК 271.2-335

ББК 86.372

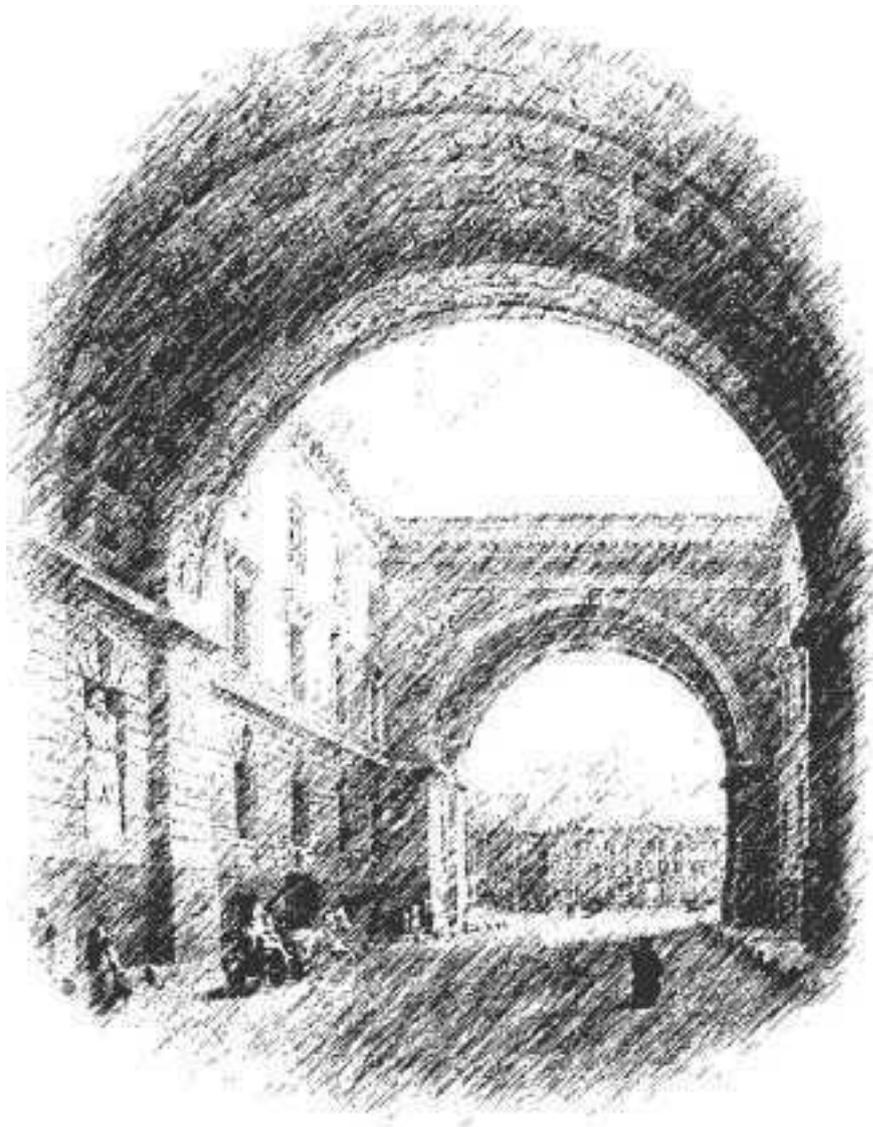
ISBN 978-5-7789-0276-3

© Яковлев А. И., 2014
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2014

Содержание

Предисловие	6
Митрополит Филарет	8
Путешественник по святым местам	37
Служитель Слова Божия	49
Дивное чудо Оптиной	60
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Яковлев Путь истины. Очерки о людях Церкви XIX–XX веков

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС
13-312-1982*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО ПОДВОРЬЯ
СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Предисловие

Книга, представленная вашему вниманию, состоит из полутора десятков биографических очерков о разных людях. Они жили в разное время, занимались различными делами, однако есть одно, что всех их объединяет: все они принадлежали к Православной Церкви и служили ей, каждый по-своему, на протяжении всей жизни.

Книга эта сложилась сама собой. В нее вошли биографические очерки, опубликованные в журналах Российской Академии наук «Вопросы истории» и Московской Духовной Академии «Встреча», несколько докладов, произнесенных на конференциях Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, вступительные статьи к составленным автором антологиям в сериях «Русь Православная» и «Русская богословская библиотека». Конечно, собранные материалы были пересмотрены, исправлены и дополнены.

Тем не менее автор не считает это издание собранием случайных очерков о священниках и архиереях, чиновниках и писателях. Неожиданно проявилось определенное единство моих героев, нечто общее не по формальным признакам, а по самой их личностной сути.

Все они, и эмигрантский митрополит Антоний, и мятущийся интеллигент Сергей Дурылин, и благополучный протопресвитер Александр Шмеман, – все они искали свой путь к Богу, следуя заповеди апостола Павла: *не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2).

Открылось, что мои герои – люди беспокойные, деятельные, глубоко переживающие антиномию отвержения и принятия мира, мира падшего, отверженного и мира принимаемого, благословляемого. При жизни они нередко спорили друг с другом, каждый отыскивая свой путь. Теперь же проявилось их глубокое внутреннее родство.

Оказалось, что в большинстве своем они, и святители, и миряне, крайне одиноки, хотя бы и пребывали в публичной сфере, будучи широко известными деятелями. Это переживание одиночества в мире, невозможности с достаточной полнотой выразить и донести свою мысль и свое чувство, переживание непонимания и нередко снисходительного пренебрежения происходило даже с московским митрополитом Филаретом, могущественным обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом.

Новомученики Российские, отдавшие жизнь за верность Христу, занимают особое место в церковной истории. Там они стоят рядом с другими православными людьми, которым довелось жить в иную историческую эпоху. Однако и те и другие в своем пути по беспокойному морю житейскому равно стремились к желанной гавани – Царству Небесному.

И для всех *ковчегом спасения* была Церковь.

В наши дни, когда суетный и шумный мир стремится покорить себе вся и всех, стоит вспомнить, что такое было и ранее. «Все заплыло пошлостью, слава Богу, кроме Церкви, которая стоит еще ковчегом спасения, вдохновения, поэзии, – писал К. П. Победоносцев 31 октября 1874 года Е. Ф. Тютчевой. – Это цветущий оазис посреди здешней пустыни; это чистый и прохладный приют посреди знойной и пыльной площади и шумного рынка; это песня, уносящая вдалеку и вглубь из быта...»

Опыт жизни самых разных людей дает нам примеры различного пути, учитывая своеобразие эпох, в которые они жили и совершали дела, к которым были призваны. Великие Оптинские старцы, из которых старец Нектарий десятилетиями не покидал обители, предлагают образец духовной сосредоточенности. Андрей Николаевич Муравьев, напротив, часто и подолгу путешествовал и занимался самыми разными делами. Сергей Николаевич

Дурылин избрал для себя глубоко затаенную верность Богу...

«Кто я был? Кто я теперь? И чем буду по прошествии долгого времени? – размышлял в IV веке великий святитель Григорий Богослов. – Куда приведешь и где поставишь, Бессмертный, великую тварь, ежели есть великое между тварями? А по моему мнению, мы, ничего не значащие однодневные твари, и напрасно поднимаем высоко брови, ежели в нас то одно и есть, что видят люди, и ничего не имеем мы, кроме гибнущей жизни». Над теми же вопросами думали на нашей земле и герои этой книги и предлагали ответы не только словом, но и всей своей жизнью.

Они искали и находили свой *путь к Истине*.

А. И. Яковлев

Митрополит Филарет Святитель Филарет (Дроздов)

Роль и значение святителя Филарета (Дроздова, 1782–1867), митрополита Московского и Коломенского, велики не только в истории Русской Православной Церкви, но также в государственной и культурной жизни России в первой половине XIX века. Его личность уже современниками воспринималась намного шире рамок церковной ограды, в которых он жил и действовал. Гениальный проповедник, великий богослов, опытный церковный администратор, мудрый духовный наставник, митрополит Филарет был причастен к нескольким важным государственным актам, оказал влияние на процесс формирования русской национальной культуры, тем самым, пытаясь усилить влияние Церкви в русском обществе и воцерковить русскую культуру¹.

¹ Примечания, обозначенные цифрами, вынесены в конец главы, с. 73–74. Библиографические ссылки вынесены в конец книги, с. 655–666.

Святитель Филарет (Дроздов)

Стоит заметить, что оценки личности святителя Филарета оказались весьма разными, подчас полярными, даже оставляя в стороне обязательный некогда «советский взгляд» на видного церковного иерарха как на «реакционера». В наши дни его изображали то твердым и неколебимым защитником всех существовавших в его время устоев – церковных, государственных, общественных, бытовых (Д.В. Поспеловский); то высокомерным и жестоким архиереем, напрочь отдаленным от окружающего мира (С. М. Соловьев); то премудрым и благостным старцем (Н.В. Сушков). И имеются основания для всех названных характеристик, но в них не вся правда, это скорее сложившиеся мифологемы о святителе. Тем не менее уже первые его биографы И.Н. Корсунский и протоиерей А. А. Смирнов на основании многочисленных документов использовали подлинно исторический подход к осмыслению такого большого и неоднозначного явления в русской жизни, как святитель Филарет.

Посмертная судьба святителя в церковной жизни также оказалась непростой. Он был причислен к лику святых в 1994 году, после многих своих выдающихся современников – святителей Иннокентия (Вениаминова) – 1977 год, Игнатия (Брянчанинова) и Феофана (Говорова) – 1988 год, которые при жизни признавали его авторитет как первого среди равных. Можно предположить, что церковное решение замедлялось не только опасением негативной реакции Советской власти, прочно закрепившей за митрополитом Филаретом ярлык «реакционера» и «монархиста», но также неоднозначным (до настоящего времени) отношением к его личности в церковной среде, где одни считают его жестким консерватором, а иные – мистиком и либералом.

Век Филарета оказался не только сложен, но и долог. Он жил в царствования Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и Александра II, причем в последние три царствования был активным деятелем. Авторитет Филарета был настолько велик, что его называли «патриархом в отсутствие патриаршества»; в одной из современных публикаций его назвали «митрополитом всея Руси», и, по сути, это справедливо.

Стоит еще учесть, что на *век Филарета* выпало несколько рубежных событий в российской истории, и митрополит московский не оставался безучастным свидетелем попыток реформ Александра I, нарастания имперской мощи государства при Николае I и «революции сверху» Александра II. Твердо и неизменно он отстаивал интересы Русской Церкви в утомительном и тяжелом подчас противоборстве с мощной бюрократической машиной империи. И его голос был голосом Церкви.

1

Все начиналось обыкновенно. Будущий святитель родился 26 декабря 1782 года (8 января 1783 года по и. ст.) в городе Коломне, в семье диакона Михаила Федоровича Дроздова и Евдокии Никитичны Дроздовой (Филипповой), и при крещении получил имя Василий.

Формирование личности Василия Дроздова началось в среде провинциального духовенства, под сильным влиянием русской православной традиции. Начальное и среднее образование он получил в Коломне, в декабре 1791 года поступив в Коломенскую семинарию, а продолжил с февраля 1800 года в Московской семинарии, находившейся тогда в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре.

В стремлении понять истоки формирования личности и формирования мировоззрения святителя Филарета необходимо обратиться к источникам влияния. Первый из них очевиден – это священнические семьи Дроздовых и Филипповых, во многом типичные для того времени по размеренному, патриархальному укладу жизни, верности обычаям и нравам провинциального духовенства. Но вот дед по отцу – вдовый протоиерей Федор Игнатьевич Дроздов оставил внуку иной пример: сам передав сыну приход, он отказался от мира, вел уединенный, почти аскетический образ жизни, погруженный в молитвенное стояние пред Богом.

Нельзя не упомянуть провинциальную атмосферу православной Коломны с ее десятком церквей и несколькими монастырями, с ее почти деревенскими радостями и забавами для мальчишек (купанием, лазанием по садам за яблоками).

Открытием для Василия стало пребывание в большой и шумной Москве, первопрестольной столице империи, куда уже докатились ветры перемен. Преобразования по западному образцу затрагивали все сферы жизни тогдашнего российского общества, ставя под сомнение привычные устои жизни, порождая новые вопросы и подчас вызывая острые конфликты.

В тот, по выражению протоиерея Г. Флоровского, «пышный, мечтательный и смутный век» в русских семинариях царил «школьный латинизм». В учебных программах духовных семинарий явственно проявилось воздействие западной культуры, проникшей в виде учебных пособий и иных переводных книг. Василий Дроздов мог читать их сам, зная латинский, древнегреческий и древнееврейский языки, а позднее выучив французский. Обладая острым и пытливым умом, он жадно впитывал знания.

Рубеж XVIII–XIX веков стал временем экспансии западной культуры. Вестернизация в духовных семинариях проявлялась даже внешне. В царствование Павла I, «несмотря на затрапез и крашенину, в которую облачены были студенты, они обязаны были, подстригая перед и брея бороду, отпускать и заплетать косы по форме, высочайше установленной. На головах обязательно шляпы» (39, т. 1, с. 30).

Не стоит недооценивать западное влияние даже в стенах Лавры, ибо в XVIII веке, по выражению протоиерея Василия Зеньковского, «русская душа попала в “плен” к Западу» (58, с. 13). И великий митрополит Московский Платон (Левшин) в своих взглядах не был свободен от влияния протестантизма. Не сразу, а путем долгих размышлений Василий Дроздов научался за «шелухой времени» различать вечные истины, использовать то доброе, что содержалось в книгах западных авторов, согласуя это с творениями отцов Церкви. Видимо, в те ранние годы он обретает прочнейшую основу своей духовной жизни и служения – Священное Писание, чтением и осмыслением которого он был поглощен всю жизнь. В будущем святитель сумел гармонично синтезировать отеческие, национальные и весьма разнородные западные начала русской мысли, создав основу нового русского богословствования.

В Троицкой семинарии по прохождении обучения Василий Дроздов был признан одним из лучших «и по прилежанию, и по остроте ума», и по «особенной скромности». В ноябре 1803 года митрополит Московский Платон (Левшин) назначает его в семинарию «учителем грече-

ского и еврейского языков с получением жалованья в год по 160 рублей». В январе 1806 года Василий Дроздов произносит церковную проповедь, встретившую восторг слушателей и полное одобрение митрополита Платона, считавшегося тогда «первым российским витией», проповеди которого были известны и в Западной Европе. Вскоре Дроздов становится любимцем митрополита, который побуждает его к принятию монашеского звания, но молодой учитель не спешит принимать решение. Лишь в июле 1808 года Дроздов подает прошение. 16 ноября он был пострижен в монашество с именем Филарет, 21 ноября рукоположен в сан иеродиакона.

Казалось, что молодому монаху предстоит обычный путь ученого инока под покровительством митрополита Платона. Но Провидение решило иначе. В декабре 1808 года Комиссия духовных училищ, созданная М. М. Сперанским с целью преобразования всей системы духовного образования в России, вызывает из разных епархий молодых выпускников семинарий для служения в столице империи. 29 декабря иеродиакон Филарет выезжает в Санкт-Петербург, несмотря на предложение митрополита Платона похлопотать об оставлении своего любимца в родных стенах Свято-Троицкой Лавры. Он подчиняется воле начальства, но также, видимо, сознает, что открываются более широкие возможности для проявления его талантов и раскрытия способностей.

2

Стремительность его продвижения по ступеням «карьерного роста» поразила современников: 1809 год – рукоположение в сан иеромонаха и назначение ректором духовного училища, 1810 год – назначение бакалавром в Духовную Академию,

1811 год – возведен в сан архимандрита и пожалован наперсным крестом с драгоценными камнями «за отличие в проповедовании Слова Божия»,

1812 год – назначен ректором Духовной Академии и настоятелем Новгородского Юрьева монастыря,

1813 год – награжден орденом святого князя Владимира 2-й степени «за неусыпные труды по званию ректора и профессора богословских наук в Санкт-Петербургской Духовной Академии», 1814 год – удостоен высочайшего рескрипта и звания доктора православного богословия, 1816 год – пожалован панагией «за ревностное служение по части образования духовного юношества» и определен настоятелем московского Новоспасского монастыря с оставлением при Духовной Академии... За несколько лет никому не известный провинциальный монах стал одним из видных и авторитетных церковных деятелей. Основанием для его взлета стали не только очевидные таланты, но и неустанный, самозабвенный труд. В те годы, сложные для молодого провинциального инока, в непривычной и чуждой ему петербургской столичной атмосфере формировался характер будущего святителя, девизом которого могли бы стать слова «вера и стойкость».

В создаваемой Духовной Академии Филарету было поручено чтение курсов, по которым не имелось учебных пособий. Ему пришлось составлять их на основе сочинений западных авторов и трудов православных отцов Церкви. Он признавал необходимость использования западной богословской мысли и в своем «Обзрении богословских наук» рекомендовал по каждой части богословия католические и протестантские сочинения. А в то время в русском дворянском обществе получили еще большее распространение идеи масонства, мистического «внутреннего христианства», доходившие до отрицания всего строя церковной жизни. Все это требовало осмысления, поисков путей выхода из духовной смуты и выработки для ожидающих верных слов верующих мирян православного понимания – в условиях Нового времени – самой Церкви Христовой и ее учения.

Выходят в свет подготовленные им труды богословские – «Записки на Книгу Бытия», апологетические – «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной

Греко-Российской Церкви» и исторические – «Начертания Церковно-Библейской истории». Автора обвиняли в сильном влиянии на его «Начертание истории» церковно-исторического сочинения лютеранского богослова Буддея, но сам он и не скрывал этого. Заслугой Филарета стало, однако, не просто введение в учебный курс полезного сочинения, но творческое переосмысление идей западного автора. Труды западноевропейских богословов становились для святителя Филарета побудительным толчком для развития собственных идей на основе святоотеческой мысли, на основе наследия святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого.

В 1823 году выходит составленный Филаретом Катехизис, изложение основ православной веры, в работе над которым автор использовал не только давно известные в России Катехизисы митрополита Петра (Могила) и митрополита Платона (Левшина), но и опыт католического катехизиса, изданного по указанию католического епископа Монпелье Шарля-Иоахима Кольбера.

Обращение к европейским авторам в этом и иных случаях было вызвано тем обстоятельством, что в Новое время, в условиях вестернизированной культуры ответ на духовные запросы русского дворянского общества уже не мог быть дан только по святым отцам «Добротолюбия». Обращение к западному опыту началось в петровскую эпоху с Духовного регламента архиепископа Феофана Прокоповича и трудов митрополита Стефана Яворского, испытавших влияние один – протестантизма, другой – католицизма. Но и ранее влияние западного схоластического богословия испытал митрополит Петр (Могила), а позднее и святитель Тихон Задонский использовал в своих трудах сочинение лютеранского пастора Иоганна Арндта «Об истинном христианстве». Однако в России западный ответ не просто предлагался верующим, а поверялся и очищался опытом православной церковности, сохранявшей конфессиональную и национальную самобытность. Христианская система ценностей оставалась основой и для формирующейся русской культуры.

Заслугой святителя Филарета в развитии «школьного богословия» стала разработка новой, глубоко продуманной системы богословских дисциплин, основанной на истории: «История первее системы. Откровение дано в живой истории...». Он первый стал поощрять самостоятельное творчество преподавателей духовных учебных заведений, предлагая им не довольствоваться повторением учебника. Правда, его требовательность к составляемым преподавателями «запискам» подчас вызывала у тех недовольство.

Не менее примечательно его внимание к языку преподавания, которым долгое время была латынь. Лишь в 1819 году Комиссия духовных училищ по докладу архиепископа Филарета разрешила преподавание богословия «и на российском языке по усмотрению ректора». Церковные консерваторы этому воспротивились, и в 1825 году Святейший Синод принял решение о возврате к латыни; по выражению святителя Филарета, «начался обратный ход, от общевразумительного учения к схоластицизму» (180, т. 2, с. 210). Тем не менее святитель не отказался от своей принципиальной позиции. В своем отчете о ревизии Московской духовной академии архиепископ Филарет написал, что «богословие догматическое и преподано и в конспекте означено, и на испытании представлено, сначала на русском языке, а далее на латинском. Предложенное на русском преимуществует порядком и ясностью изложения. Предложенное на латинском, вероятно по действию классической книги, более ознаменовано сухим и маловразумительным языком школы, нежели силою истины общевразумительной и полезной» (180, т. 2, с. 141–142).

Духовному образованию святитель Филарет уделял внимание постоянно. По его благословению, данному ректору МДА архимандриту Филарету (Гумилевскому) после продолжительного обдумывания, в 1841 году в Московской Духовной Академии было начато издание непрерывной серии «Творения святых отцов в русском переводе»; немалая часть переводов не устарела до настоящего времени. За счет средств Московской епархии митрополит Филарет

повысил жалование преподавателям и профессорам МДА, что побудило к аналогичной мере и другие церковные власти. Но все же духовные школы были лишь одной из многих сфер интересов и деятельности святителя Филарета.

3

В те же первые свои годы в Петербурге он проявил себя не только как ученый универсальных интересов, но и как духовный деятель, открытый духовным запросам времени и готовый дать на них ответ. Конечно же, способности и таланты молодого инок были велики, но очевидно, что их раскрытию сильно способствовала сама атмосфера тогдашнего Петербурга, где еще не полностью выветрился дух «дней Александровых прекрасного начала». Инок Филарет не успел узнать деспотизма Павловского царствования, напротив, господствовал дух либерализма и терпимости, и все большее значение в столичном обществе приобретали *ученость*, образование и способности.

Обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, влиятельный благодаря дружбе с императором Александром I, 25 марта 1810 года услышал проповедь молодого монаха в Троицком соборе Александро-Невской Лавры и поразился. Князь постепенно отходил от легкого вольнодумства екатерининской эпохи, глубины православной веры все больше притягивали его. В филаретовской проповеди на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы он оценил не только блеск и красоту церковного красноречия, но также глубину раскрытия темы и искреннее чувство. Проповедник строго осудил «лукавствующий мир сей», который «не царствует, но рабствует. Если исключить из него тех, которые всем его званиям предпочитают звание христианина, то в нем останутся одни рабы – рабы честолюбия, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастия, и все вместе – рабы самолюбия... Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видети суеты, обратися в покой твой и в тайне ищи тихого, безмятежного Царствия Божия в себе самой...» (179, т. 1, с. 138).

Благоволение царедворца скоро проявилось открыто. Весной 1812 года архимандрит Филарет был впервые приглашен в Зимний дворец, произнес проповедь в Большой церкви в присутствии всей царской семьи (179, т. 1, с. 169). 1 октября он освятил домовую церковь в доме князя А. Н. Голицына и также произнес проповедь (179, т. 1, с. 175). Известно, что 30 ноября в домовая церковь князя А. Н. Голицына состоялась встреча Филарета и императора. Учитывая потерянность Александра I в дни тяжелейших поражений русской армии в войне с Наполеоном, а также внезапный поворот императора от легкомысленного религиозного равнодушия к вере в Бога, можно предположить, что венценосец не только просил советов, но и исповедовался.

На новую высоту славы архимандрит Филарет поднялся благодаря произнесению 13 июня 1813 года в Казанском соборе слова на погребение тела фельдмаршала М. И. Кутузова: «...Се ум, в котором и высокие звания и приятные искусства, не стесняя друг друга, находили свое место; ум, способный в одно время составлять чертеж брани, соображать к единой цели разнообразные отношения союзных и враждебных держав и легкою ногою измерять зыблущиеся стези Дворов... Сия твердость, непоколебимая ни страхом, ни скорбию, и благодушная покорность своей участи были предуготовлены для таких подвигов, среди которых поколебались бы тысячи тысяч... Сия глубокая проницательность и неутомимая осторожность... против возрастающего исполина, который на развалинах престола, превращенных в лобное место, созидавая новый престол, желал утвердить и украсить его разрушением древних...». Однако то был не только привычный образец церковного красноречия с архаичными уже тогда оборотами: «...тлетворное дыхание Запада отовсюду воздувает на нас бурю». Проповедник отозвался на важные явления российской жизни, сказав, что «избранный сын отечества предохранен от суеверного уничтожения пред идолом иноземного просвещения и образованности» (179,

т. 1, с. 46–47, 50). Отношение к Западу и западной культуре в то время пересматривалось в русском обществе, которое отказывалось от крайностей слепой вестернизации ради заимствования реальных достижений западноевропейской культуры. И ректор Духовной Академии указывал на необходимость отличать *идолов* от *идеалов*. «Слово пред погребением тела светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленского» было признано классическим и вышло несколькими отдельными изданиями, сделав имя Филарета известным всей России. 23 декабря Святейший Синод утвердил составленный архимандритом Филаретом особый чин молебствия «за избавление Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати язык».

Тем не менее архимандрит Филарет не обольщался милостями властей предрежущих. В письме к другу, священнику Григорию Пономареву, от 5 января 1811 года он писал: «К здешней жизни я не довольно привык и вряд ли когда привыкну более. Вообрази себе место, где более языков, нежели душ; где надежда по большей части в передних, а опасение повсюду; где множество покорных слуг, а быть доброжелателем считается неучтивым; где роскошь слишком много требует, а природа почти во всем отказывает. Ты согласишься, что в такой стихии свободно дышать могут только те, которые в ней или для нее родились. Впрочем, есть люди, которых расположением я сердечно утешаюсь» (184).

Можно предположить, что архимандрита Филарета поддерживало в его трудах не только сочувственное отношение нескольких близких людей и сознание долга, но также сама атмосфера имперской столицы, в которой началось проведение серьезных перемен в России. Было положено начало различным преобразованиям в административной и хозяйственной жизни, в образовании и военном деле, что в совокупности означало проведение *реформы внутри системы*, начало модернизации государства и общества. Церковь была и оставалась важной и неотъемлемой частью и государства, и общества, поэтому Александр I начал перемены и в Церкви.

4

Разработанные М. М. Сперанским и архиепископом Феофилактом (Русановым) в 1808 году мероприятия по реформе системы духовного образования стали не просто своевременными, но даже запоздавшими, настолько низок оказался уровень подготовки русского духовенства, которое с петровских времен было «мерами власти превращено в замкнутое сословие и оттеснено в социальные низы» (192, с. 266). Между тем два бывших семинариста планировали не только дать духовенству лучшее образование, но также повысить его социальный статус, дабы никакой помещик не посмел притеснять сельского священника.

Несомненно, что такого рода намерения воодушевляли и молодого монаха, видевшего свое служение в столице не простым исполнением послушания, но участием в осуществлении масштабных перемен во всей Русской Церкви. До поры до времени он не признавал глубины и прочности власти государства над Церковью, не ощущал стесненности Святейшего Синода, полномочия которого возводились к самодержавному монарху. Между тем масштабные преобразования, как это обычно и бывает, порождали новые конфликты.

6 декабря 1812 года император утвердил доклад князя А. Н. Голицына об учреждении в Санкт-Петербурге Библейского общества, в дальнейшем ставшего всероссийским. Библейское общество было создано в Великобритании в 1804 году с целью распространения книг Священного писания на разных языках; оно имело свои отделения в германских государствах, Швейцарии, Америке, Индии. В марте 1812 года Общество прислало в Россию пастора Джона Паттерсона, после бесед с которым князь Голицын и подал свой доклад императору (202, с. 16). Председателем Общества стал обер-прокурор, а одним из двенадцати директоров – архимандрит Филарет. Он не просто числился в Обществе, как иные иерархи, а трудился. Ему было

поручено наблюдение за подготовкой стереотипного издания Библии на церковно-славянском языке.

Вдохновленный этой высокой миссией, глубоко и искренне верующий Филарет задумывает перевод Библии на русский язык, дабы облегчить всем образованным людям познание Слова Божия, ибо церковно-славянский, оставшийся языком богослужения, вышел из бытового употребления. Трудно предположить, что без его участия родилось намерение Александра I, изложенное Святейшему Синоду 28 февраля 1816 года, перевести Библию на русский язык. Стоит заметить, что решение о переводе принималось не крайне боязливymi и консервативно настроенными членами Святейшего Синода, а Комиссией духовных училищ и плавно перетекло в ведение Библейского общества. Там было решено «поручить дело сие ректору Санкт-Петербургской Духовной Академии о. архимандриту Филарету с прочими членами академии» (202, с. 26).

Сам Филарет, ставший «душою переводного комитета», взялся за перевод Евангелия от Иоанна, самого сложного и богословски значимого. Он составил правила для переводчиков, требуя пословного перевода Евангелия с греческого оригинала с сохранением по возможности порядка слов, а славянскую лексику употреблять лишь при отсутствии русского эквивалента или явной вульгарности выражений. Работа была завершена в конце 1817 года, Четвероевангелие на русском языке вышло в свет, а в 1823 году и весь Новый Завет на русском.

Этому предшествовала хиротония Филарета в сан епископа, совершенная 5 августа 1817 года в Троицком соборе Александро-Невской Лавры. В августе

1818 года за новые труды, за заслуги перед Церковью и Отечеством епископ Ревельский Филарет был награжден орденом святой Анны 1-й степени.

В те первые петербургские годы будущему святителю довелось узнать не только зависть и вражду в своем окружении, но и недоброжелательство венценосцев. 26 декабря 1814 года в Большой церкви Зимнего дворца он произносит слово на праздник

Рождества Христова, в котором говорит: «Бедственное ослепление людей, прельщенных миром, увеличивается тем, что слепые слепых же избирают вождями себе или дают влещи себя множеству, на которое опираясь десницею и шуйцею, мнят быть безопасны от падения... Итак, вотще стараются некоторые утончать любовь к миру, вместо того чтобы отсекасть ее, и, вместо того чтобы побеждать оную любовию к Богу, надеются примирить одну с другою...» (179, т. 1, с. 84, 87). Проповедь вызвала неудовольствие вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и с тех пор Филарета никогда не приглашали проповедовать в дворцовой церкви.

Но в те же годы ректор Духовной Академии входит в круг петербургской аристократии. У него завязываются дружеские связи с графом С. Б. Потемкиным, дочерью М. И. Кутузова Е. М. Хитрово и другими. Он выступает в роли посредника между Г. Р. Державиным и духовной цензурой, запретившей публикацию стихотворения «Христос». Он открыт для контактов, встречается с американскими квакерами, разъясняет Стефану Грелье де Мобилье значение святой Евхаристии для христианина (135, с. 142). Однако активность и открытость епископа Филарета вдруг оборачиваются против него.

Духовная увлеченность императора и обер-прокурора христианскими идеями, не подкрепленная богословским образованием и церковной традицией, обернулась пришедшей на Россию тучей «духовного мистицизма». Беседы Александра I в европейских странах с квакерами Алленом и Грие, известным мистиком Юнгом-Штилингом, долгие разговоры с баронессой Ю.Крюденер, с Р. А. Кошелевым и А. Ф. Лабзиным на темы вечных истин, понимание глубин Апокалипсиса привели его к идее мистической «внутренней церкви», в которой он увидел залог людского счастья на земле и прообраз Церкви Небесной. Этим настроением Александра I было порождено создание 26 сентября 1815 года Священного союза трех, а затем и всех остальных европейских монархов. В основу Союза был положен принцип охранительства, незыблемости государственных принципов в Европе исходя из высоких идеалов христи-

анства. Такого же рода мистическая настроенность, хотя и с национальной окраской, ощутима и в закладке в Москве 12 сентября 1817 года храма Христа Спасителя по своеобразному проекту А. Л. Витберга, далекому от канонов русской церковной архитектуры. Те же принципы «безбрежного мистицизма» положены в основу учрежденного 24 октября 1817 года нового министерства духовных дел и народного просвещения во главе с князем А. Н. Голицыным, причем Святейший Синод оказался подчиненным уже одному из четырех отделений Департамента духовных дел. Даже государственный историограф Н. М. Карамзин отнесся к этому критически, назвав новое учреждение «министерством затмения», а А. С. Пушкин в июле 1824 года с удовлетворением отозвался на уничтожение «двойного министерства».

Молодой епископ сознавал вредность сектантских и еретических увлечений иных дворянских мистиков, но видел в этом неизбежные искания Истины в условиях, когда в ходе петровской секуляризации была разорвана преемственность с отечественной православной традицией, а противоядие от западного вольнодумства и неверия стали искать также на Западе. Именно в ответ на жажду религиозного наставления и просвещения и намеревался епископ Филарет предложить просвещенным россиянам Слово Божие. Но дело Русской Библии, главный жизненный подвиг святителя Филарета, оказалось с самого начала отягченным для него великими испытаниями и скорбью. В то время перевод Библии на русский язык виделся актом почти революционным, едва ли не новой Реформацией, ранее потрясшей Европу. Между тем «либеральные стремления императора», как справедливо заметил С. В. Мироненко, «никоим образом не затрагивали основ...» (92, с. 208), а его личные благие намерения легко забывались, едва только он усматривал угрозу (реальную или мнимую) для существующего строя.

В политической жизни за теми или иными идейными течениями стоят определенные люди, стремящиеся к достижению своих целей. Так и в дворцовой жизни 1820-х годов генерал А. А. Аракчеев, стремясь усилить свое положение у трона и оттеснить князя А. Н. Голицына, воспользовался все возрастающим недовольством политикой князя в отношении Церкви. Действуя через ревностного не по разуму защитника православной веры архимандрита Фотия (Спасского) и шаткого в убеждениях митрополита Петербургского Серафима (Глаголевского) и опираясь на поддержку вождя охранительного течения адмирала А. С. Шишкова, Аракчеев сумел породить у императора недовольство и недоверие к князю Голицыну и деятельности Библейского общества. «Начинавшееся богословское обновление, – отмечал протоиерей Георгий Флоровский, – было встречено в правящих кругах с недоверием и беспокойством», которые питались не религиозными мотивами, а потому и привели к «мрачной политико-полицейской интриге» (192, с. 272).

Всего этого не сознавал владыка Филарет, поставленный 3 июля 1821 года архиепископом Московским и Свято-Троицкой Лавры архимандритом. В мае 1822 года он сообщает в Святейший Синод о продаже в Москве Нового Завета и Псалтири на русском языке: «Появление сих священных книг произвело здесь между людьми всякого звания особенную радость. Требования на оные душеспасительные книги столь много, что в три дня по отпечатании Нового Завета продано до 350 экземпляров и Псалтири 300 экземпляров. Сотоварищества и корреспонденты [Библейского общества] требуют их во множестве» (цит. по: 202, с. 38). В конце того года в Петербург был отправлен отчет Московского отделения Библейского общества, подписанный не только архиепископом Филаретом, но и московским генерал-губернатором князем Д. В. Голицыным и московским предводителем дворянства П. Х. Обольяниновым. В нем говорится: «Перевод сей есть величайшее благодеяние для народа Российского, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного. Многие тысячи соотечественников наших с нетерпением ожидали издания сих книг, дабы с тем большим уразумением питать себя божественными истинами, в них заключающимися» (цит. по: 135, с. 88).

Но заговорщики, движимые обскурантизмом и честолюбием, действуют. Адмирал Шишков называет успехи Библейского общества «злом, которое распространяется по-прежнему»,

рассуждает, что «перекладка Священного Писания с высокого и важного языка на простонародное наречие» есть «сильнейшее орудие революционных замыслов». Митрополит Серафим открыто заявляет, что «раздача Библии есть самое верное средство к введению Реформации» (135, с. 260). 20 апреля 1824 года в Зимнем дворце происходит тайная встреча архимандрита Фотия с императором. В ходе трехчасовой беседы Фотий раскрывает Александру I «план революции» или «тайну беззакония, делаемую тайным обществом в России везде» при поддержке Библейского общества и насаждаемой лично князем Голицыным «новой религии», которая есть «вера в грядущего антихриста, двигающая революцией, жаждущая кровопролития...» (см. 194, с. 374–385). Усталый и напуганный революционным брожением в европейских странах, император уступил давлению: 15 мая было упразднено «двойное министерство», князь А. Н. Голицын освобожден от должности министра и обязанностей председателя Библейского общества.

Крушение князя тут же отозвалось на положении владыки Филарета. 8 июня митрополит Петербургский Серафим сообщил на заседании Святейшего Синода о запрете Александром I распространения отпечатанного на русском языке Пятикнижия (первых пяти книг Библии). Несколько тысяч экземпляров книги были сожжены на кирпичном заводе Александро-Невской Лавры (202, с. 41, 117). Позднее было запрещено и само Библейское общество, Четвероевангелие на русском языке изъято из книжных лавок, запрещен филаретовский Катехизис (названный архимандритом Фотием «канавною водою»), а некоторые его проповеди признаны «неправославными». Противники в полной мере использовали методы запретительные, хотя сам святитель предпочитал бороться с мистическими уклонами пастырским словом, основанным на знании и проникнутым духом любви.

Потрясение владыки Филарета оказалось велико. В проповеди, произнесенной 12 июня 1824 года в Волоколамске, он позволил себе высказаться: «... какой бы ты ни предпринял благочестивый подвиг, в какой бы ни начал упражняться добродетели, не изменяй принятому однажды благому намерению; и хотя бы предстояли тебе препятствия, хотя бы казалось тебе, что успех не соответствует ожиданию твоему, не отчаивайся, не малодушествуй; и напротив того, хотя бы показалось тебе, что ты довольно успел в добром деле и подвиге, не обленяйся, не будь беспечен... в трудности подвига уповай на Господа и паки терпи о Господе» (179, т. 2, с. 168).

Для него столь резкий поворот императора был тем более неожиданным, что всего год назад, в июле 1823 года, он был допущен к сокровенным делам царской семьи. По распоряжению императора архиепископу Филарету было поручено составление в глубокой тайне манифеста о переходе прав на российский престол от цесаревича Константина Павловича (женившегося на польке Иоанне Грудзинской) к великому князю Николаю Павловичу. В Каменноостровском дворце владыка представил свой проект Александру I и предложил помимо основного текста составить три заверенные копии этого важнейшего государственного акта для хранения в Государственном Совете, Сенате и Святейшем Синоде. Основной текст, подписанный императором, 29 августа владыка Филарет сам положил в ковчег с государственными актами в алтаре Успенского собора Московского Кремля.

Прямо и открыто защищая Библейское дело, он недоумевал перед лукавством и слабостью царя. Не менее огорчительным виделось и поведение митрополита Серафима. Печальная ирония ощутима в письме владыки Филарета от 8 декабря 1824 года к митрополиту: «Если сомнительно православие Катехизиса, столь торжественно утвержденного Святейшим Синодом, то не сомнительно ли будет православие самого Святейшего Синода?» (цит. по: 202, с. 86). Спустя несколько лет снимут запрет на филаретовский Катехизис, который более чем на столетие станет общедоступной системой православного богословия, но дело Русской Библии остановится на сорок лет.

Святитель Филарет отступает, но не отказывается от своих целей, более того, гласно осуждает своих гонителей. 12 февраля 1825 года в проповеди, произнесенной в кафедральном Пудовом монастыре, он сказал: «... если ты чтить достоинство учителя, установленное в Церкви Христовой, то не должен ты своевольно вторгаться на место учительское или легкомысленно бегать за учителями, которых никто не поставил... но должен в кротости и послушании проходить звание ученика евангельского под руководством поставленных от Бога и Церкви учителей, страшась быть учителем и сам для себя, а тем более, без высшего призвания, руководствовать других или переучивать учителей, от Бога и Церкви поставленных» (179, т. 2, с. 362).

5

Царствование Николая I стало для Русской Церкви временем усиления государственного гнета, когда обер-прокуратура из органа *надзирающего* превращается в орган, *управляющий* церковной жизнью. Личные отношения святителя Филарета с императором были лишены какого бы то ни было доверительного характера и основывались на взаимном уважении. Впрочем, это уважение не препятствовало возникновению конфликтов, недоверия и подозрений со стороны Николая I.

Началось все с тревожных дней «междущарствия» в ноябре – декабре 1825 года, когда митрополит Московский оказался в положении «хранителя светильника под спудом»: в дни, когда вся Россия начала присягать императору Константину I, он один в Москве знал о неверности этой присяги. Побуждаемый генерал-губернатором Москвы князем Д. В. Голицыным вскрыть запечатанные акты и объявить истинную волю покойного Александра I, владыка Филарет устоял, заявив, что «не может быть двух императоров, одного в Петербурге, другого в Москве». Фактически владыка Филарет тогда руководил действиями светской власти; высокую степень его самостоятельности и активности позднее с неудовольствием отметил самолюбивый Николай I. А когда из допросов декабристов император узнал, что считавшегося оппозиционным Филарета предполагалось ввести в состав «революционной Директории» наряду с Н. С. Мордвиновым и М. М. Сперанским, то настороженность в отношении слишком яркого архиерея переросла в стойкую подозрительность. Пожалование бриллиантового креста на клобук и возведение Филарета в 1826 году в сан митрополита не изменили ничего. Примечательно, что позднее на совет князя А. Н. Голицына: «Государь, посадите Филарета в Государственный Совет. Он там сделает за десятерых» – император ответил: «Что это ты вздумал мне давать советы, князь? Я знаю, что Филарет настраивает против меня Москву». На митрополита шли доносы. В отчете III Отделения за 1830 год, в частности, говорилось: «Партия мистиков усиленно старалась воздействовать на легковерных. Знаменитая речь митрополита Филарета по поводу появления холеры в Москве возмутила всех, а сектанты ей втайне радовались» (145, с. 73).

Конечно же, Николай I не мог забыть отказа владыки Филарета освятить в 1829 году Триумфальные ворота с аллегорическими изображениями, его сопротивления незаконным с точки зрения церковного права бракам царских любимцев, отказа признать право наследника престола заседать в Святейшем Синоде и, наконец, знаменитой «холерной истории».

Осенью 1830 года до Москвы дошла холера. Страшная болезнь пугала, способов ее лечения не знали, уповали на устройство карантинных. Митрополит Филарет отказался от царского приглашения срочно уехать в Петербург, написав заместителю Свято-Троицкой Лавры архимандриту Афанасию: «Я отложил путь в Петербург, чтобы умирать со своими» (79, с. 351). Он распорядился принять необходимые меры предосторожности по монастырям московской епархии, организовал общемосковский крестный ход для избавления от бедствия. В проповеди, произнесенной 18 сентября, митрополит вспомнил царя Давида, который «впал в иску-

шение тщеславия», вследствие чего «явился Пророк и по повелению Божию предложил Давиду на выбор одно из трех наказаний: войну, голод, мор... Открылось наказание греха, и совершилось покаяние Давида... Покаемся, братья, и принесем плод, достойный покаяния, то есть исправление жития. Отложим гордость, тщеславие и самонадеяние. Возбудим веру нашу... Исторгнем из сердец наших корень зол, сребролюбие. Возрастим милостыню, правду, человеколюбие. Прекратим роскошь. Откажем чувственным желаниям, требующим ненужного. Возлюбим воздержание и пост. Облечемся если не во вретисце, то в простоту... Презрив забавы суетные, убивающие время, данное для делания добра» (179, т. 3, с. 149–151).

За Филаретом следили внимательно. О проповеди тут же сообщили в Зимний дворец, истолковав ее как критику императора, одержавшего к тому времени важные военные и дипломатические победы над Османской империей и Персией. Самолюбивый и обидчивый Николай I усмотрел и в отказе митрополита бежать из холерной Москвы, и в нравоучительной проповеди явный упрек себе. Вероятно, этим вызван его внезапный приезд в первопрестольную 29 сентября. Неизвестно, произошло ли какое-нибудь объяснение, но 5 октября в Успенском соборе Московского Кремля митрополит Филарет произносит проповедь, в которой говорит: «Много должно утешать и ободрять нас, братья, и то, что творит среди нас помазанник Божий, благочестивейший государь наш. Он не причиною нашего бедствия, как некогда был первою причиною бедствия Иерусалима и Израиля Давид...» (179, т. 3, с. 155).

Порывистый и в гневе, и в делании добра, Николай I не увидел злого умысла в «холерной проповеди». Спустя полгода, 19 апреля 1831 года, «за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, и притом многие похвальные подвиги и труды, на пользу Церкви и Государства постоянно оказываемые», митрополит Московский Филарет был награжден высшим в империи орденом святого Андрея Первозванного. И все же Филарет не стал и не мог стать *своим* в это «глухое и немое» николаевское царствование.

Да, он утверждает авторитетом Церкви справедливость и благодетельность существующей самодержавной власти в России, дав ее чеканную формулу: «...Бог по образу Своего небесного единоначалия устроил на земле Царя; по образу Своего вседержительства – Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – Царя наследственного» (179, т. 5, с. 126–127). Но он же последовательно утверждает принцип: *Церковь выше Царства*. В проповеди на день коронации Николая I 20 ноября 1847 года митрополит Филарет сказал: «Благоговение и любовь к Царю нашему природны нам; но мысль о Царе царствующих вернее всего дает сим чувствам полную силу, совершенную чистоту, незыблемую твердость и прямоту действия» (179, т. 4, с. 531)².

В царствование Александра I святитель Филарет предпринимает несколько попыток серьезных изменений в церковной жизни (помимо перевода Библии и подъема уровня духовных училищ, стоит назвать проект учреждения митрополичьих округов), но в николаевское царствование как будто примиряется с подчиненной ролью Церкви, с жестким приглядом государства. Но только *как будто*... Постоянное и упорное противоборство московского митрополита и «гусарского» обер-прокурора Н.А. Протасова свидетельствует об этом. Такого же рода пример 1838 года. Николай I вознамерился назначить наследника-цесаревича к присутствию в Синоде – подобно тому, как великий князь Александр Николаевич был введен в Сенат и другие высшие государственные учреждения. Но Филарет воспротивился. Всевластному императору пришлось отказаться от своего намерения, но едва ли он простил московскому митрополиту это «удивительно неделикатное» напоминание о внутренней независимости Церкви.

Позднее эмигрант А. И. Герцен писал: «Филарет умел хитро и ловко унижать временную власть», «играя в оппозицию». Но то была, конечно, не игра, а иное, нежели официальное, понимание природы государственности. Протоиерей Г. Флоровский точно констатировал: «Филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям николаевского времени. Филарет им казался опасным либералом» (191, с. 203).

В сущности, митрополит Филарет открыто не возражал против подчиненного положения Церкви в государственной системе империи, убежденный в то же время, что Церковь помазует государя, а не государство, что органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных. Он лишь желал для Церкви большей степени самостоятельности. Поэтому не возражал он против института Святейшего Синода, назвав его однажды «духовной коллегией, которую у протестантов перенял Петр, но которую Провидение Божие и церковный дух обратили в Святейший Синод» (цит. по: 158, т. 1, с. 220).

Однако в николаевское царствование даже государственные законы, касавшиеся церковных вопросов, принимались без участия Святейшего Синода. Обер-прокурор Н.А. Протасов, будучи сам бюрократом-деспотом, грубо сокрушал всякое реальное и мнимое самовластие со стороны епархиальных архиереев. Независимость Филарета он терпел с трудом. После одного инцидента святитель в 1842 году покинул Синод и больше никогда не бывал на его заседаниях, хотя оставался членом Синода и продолжал принимать активное участие в рассмотрении всех дел церковного управления.

Стоит заметить, что некогда скромный провинциал обрел качества светского человека, оставшись монахом. По воспоминаниям великой княжны Ольги Николаевны, митрополит Филарет на слова фрейлин императрицы, что де Александра Федоровна «вместо того, чтобы думать о спасении души, только и делает, что танцует и гоняется за развлечениями», ответил: «Возможно. Но я думаю, что она, танцуя, попадет в рай, в то время как вы еще будете стучаться в дверь». Об отношении царской семьи к московскому митрополиту великая княжна вспоминала, что в Москве «всегда на первом месте был митрополит... Здесь, в Москве, он молился перед тем, как садиться к столу, и сесть было можно только после его благословения. Филарет считался светочем Церкви...» (99, с. 202, 238).

В отличие от многих своих предшественников и современников, митрополит Филарет никогда не угождал власти, не льстил ей, он всегда держался независимо, не роняя достоинства иерарха. Любопытно, что в своих проповедях Филарет никогда не говорил государю «вы», но всегда в традициях церковной риторики «ты». Не раз он поучал и наставлял государей в проповедях. В царствование Александра II был поднят вопрос о поминовении за богослужением всех членов императорской семьи, число которых сильно увеличилось, что удлиняло службу. Святитель Филарет в своем мнении выразил не верноподданническую, а церковную позицию: «Мне кажется, – писал он 22 марта 1862 года наместнику Свято-Троицкой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), – Вы напрасно так строго смотрите на сокращение воспоминаний в молитвах царствующего дома и на облегчение в праздновании Царских дней. В древних изданиях греческих в великой ектении сказано только: “О благочестивейших и Богохранимых царех наших”. Не предписано даже имя царя произносить. А о царском семействе и намека нет» (182, ч. 4, с. 448).

В церковном сообществе митрополит Филарет неизменно почитался первым среди равных. Его мнение, его заключение почитались решающими во всех церковных делах. Отношения с братьями складывались у него подчас непросто, хотя и по разным причинам. Митрополит Филарет привечал архимандрита Игнатия (Брянчанинова), будущего святителя, писал ему 12 ноября 1833 года: «Преподобный отец Игумен. Судьба Божия, поставив меня с Вами в сношение по службе, в то же время открывает случай, чтобы мы друг друга узнали в лице. Я сему рад...» (цит. по: 84, т. 3, с. 120).

Современники говорили о московском митрополите: «Он был епископом с утра и до вечера и от вечера до утра». Их поражало в нем неусыпное чувство ответственности. Старец митрополит входил во все подробности московской церковной жизни, вплоть до просмотра проповедей чередных иереев в Чудовом монастыре и утверждения эскизов поновляемых иконостасов; он внимательно просматривал резолюции епархиальной консистории, частью отвергая их, частью исправляя; сожалел, когда не хватало сил на совершение богослужения или

освящения храмов. Посещение светских учебных заведений не входило в обязанности митрополита, но он нередко бывал на вступительных и выпускных экзаменах в Московском университете, а то и 1-й московской гимназии. На всю жизнь запомнил Т. И. Филиппов, видный государственный деятель, одобрительное слово митрополита Филарета по поводу произнесенной им, тогда учителем гимназии, речи 3 октября 1854 года. Он пожелал ему, тогда еще юноше: «Чтобы ваши мысли проникали более и более область общественного воспитания» (цит. по: 132, с. 9). Неудивительной поэтому стала растерянность москвичей десятилетие спустя, после кончины святителя, как писал 21 ноября 1867 года филаретовский ученик и оппонент Н. П. Гиляров-Платонов своему другу К. П. Победоносцеву: «Монумент свалился; как-то жутко чувствует себя Москва. Образовалась пустота, в которой неловко. Москва без Филарета, это как-то неловко, непривычно. Любопытно, как теперь пойдут церковные дела, когда рассуждениям и различным мерам уже не предшествует обычный вопрос: а как на это смотрит Филарет?» (136, с. 67).

6

Богословие Филарета не вылилось в целостную систему, на это у него в московский период уже не оставалось времени, однако богословствование было его второй натурой, оно прорывалось и изливалось в проповедях, административных документах и письмах. В них, по выражению И. В. Киреевского, «много бриллиантовых камушков, которые должны лежать в основании Сионской крепости». Главным источником богословия святителя было Священное Писание. В то же время то не была экзегетика в чистом виде, а ответы на искания русского духа, попытка синтезировать различные движения просвещенной русской мысли, стихийную православную веру народа и духовное богатство святоотеческого наследия. Не раз святителю Филарету приписывали уклонение то в католичество, то в протестантизм, но он умел соблюсти цельность православного учения Церкви. По точной оценке протоиерея Г. Флоровского, он не создал формальной богословской школы, но «он создал нечто большее – духовное движение...».

В одной из проповедей святитель Филарет говорит о двух ведущих к Богу путях – пути волхвов и пути пастырей: «Путь волхвов есть путь света и ведения, управляемый ясным знаменем звезды... Путь пастырей есть путь сени и тайны, путь веры, а не видения» (179, т. 1, с. 184). Думается, что оба пути – и ведения и веры – были равно открыты для него³.

Богословие Филарета светло и трагично. Светло, ибо основано на глубоком опыте личной веры и сердечном ведении Бога. Трагично, ибо имеет своим материалом не только Священное Писание, но и повседневную, обыденную жизнь, вольно или невольно отрывавшуюся от евангельских заветов. Соединение, никак не противопоставление, этих двух сторон жизни – небесной и земной – оставалось главным делом святителя.

Показательно, что в августе 1862 года, будучи уже преклонным годами старцем, он живо поддержал намерение своего ученика протоиерея Александра Горского о создании и издании Богословского словаря, ассигновал из сумм Московской кафедры специальные средства на эти цели (40, с. 156).

В то же время не менее показательно, что резиденция митрополита, подворье Свято-Троицкой Лавры, находилась на Самотеке, вблизи шумного московского торжища. И воспарив мыслью в горные высоты, он принужден был опускаться до самого дольнего. Почти всякий день на подворье приходили просители, странники, священнослужители, официальные лица со своими делами и заботами, и митрополит Филарет погружался на самое дно обыденности с ее мелочами и нечистотой. Изданные после его кончины в семи томах Резолюции по различным делам епархии, а также тома Мнений и Писем свидетельствуют о прямой вовлеченности

святителя в самые разные дела церковной и светской жизни, в них видны и мудрость, и опыт, и остроумие.

В резолюции от 6 января 1833 года по делу о диаконе, не говорившем проповедей в течение года, он пишет: «Болезнь, которая не мешала диакону год служить, а мешала целый год говорить проповеди, называется леность. Способ лечения на первый раз употребить следующий: запретить диакону священнослужение на две недели и дать ему в сие время дьячковский доход, с тем, чтобы в сие время сочинил проповедь». Вот другие резолюции: «Села Архангельского дьячка, 65 лет, смиренного, но не совсем трезвого, послать в Можайский монастырь на три дня, чтобы ему растолковали, что к будущей жизни готовиться надобно воздержанием, а не пьянством»; «Поелику недовольных священником не мало и неудовольствия значительны, то, для прекращения оных, ныне же перевести его»; «Знание церковного пения не большое знание, но незнание онаго есть большое незнание». Его нередко упрекали в жестокости в отношении духовенства, но вот его резолюция на деле о проступке дьякона, ходившего в питейный дом за вином: «Дурно поступил дьякон, но надобно на суде принимать в соображение немощи человеческие: жена разрешилась, гостей принять надобно, денег нет. Очень естественно обратиться к винопродавцу, который верит в долг... Положить диакону в Клинском соборе сто поклонов и внушить ему, что гораздо лучше праздновать рождение детища без вина, нежели с незаконно купленным вином быть задержану в питейном доме». А то должен был разбирать дело об избииении пастуха сыном дьячка за потраву священнического луга коровами... (181, т. 3, ч. 1, с. 168; ч. 3, с. 14, 17, 30, 168, 182).

Он занимался всем. В письме архимандриту Антонию (Медведеву) вечером 28 февраля 1849 года владыка, которому минуло 66 лет, сетовал: «Больше дают дела, нежели хочет и может сделать моя леность. Один архиерей затрудняется, носить ли двоеженцу стихарь: мне присылают указ, чтобы я отвечал ему на сие затруднение. Один губернатор заметил, что в метель замерзают люди, не находя пути в село; я должен сказать, не звонить ли в колокол. В обеих столицах хотят отдать откупщику погребения; мне приходится разбирать дело и объяснять, что будет ропот на откупщика и на начальство. Один архиерей написал историю Русской Церкви; меня спрашивают, не надобно ли ее исправить, и, дабы я не ленился отвечать, прибавляют, что о сем знает Государь император. А я все не умею спешить. Простите пражнословие» (182, ч. 2, с. 98).

В письме собрату, архиепископу Кириллу (Богословскому-Платонову), жаловавшемуся на активность католицизма в его епархии, отвечал: «Говорят: ксендзы совращают православных, хорошо. Если ксендзы совращают хитростью, пусть священники утверждают православных и приобретают инославных истиною. Истина должна быть сильнее хитрости. Внешнюю власть не сделаешь всего для Церкви. Благодарение Богу, государство оказывает покровительство Православию; нельзя требовать, чтобы оно отказалось от терпимости, которая, если умеренна, имеет свою справедливость» (цит. по: 84, т. 3, с. 22).

Стоит заметить, что митрополит Филарет был открыт для контактов с западным миром. Он не раз встречался с протестантскими и католическими священнослужителями при посещении ими России: это американский квакер Стивен (Этьен) Греллет, посетивший Россию в 1818–1819 годах и в беседах с епископом Филаретом обсуждавший вопросы понимания Священного Писания; англиканский диакон Уильям Палмер, побывавший в России в 1840–1841 и 1844 годах с искренней попыткой воссоединения Церквей; французский бенедиктинец и будущий кардинал Жан-Батист-Франсуа Питра, в 1859–1860 годах приехавший в Москву для изучения славянских рукописей; пастор Юнг в 1864 году обсуждал вопрос о воссоединении Американской епископальной Церкви.

«Как вождельно соединение церквей! – размышлял святитель. – Но как сложно, чтобы движение к нему парило чистым стремлением к Истине, совершенно свободным от пристрастия к предвзятым мнениям... Господи, пошли истинный дух единения и мира» (цит. по: 69, с.

357). Свое понимание возможности воссоединения былого единства Церкви святитель изложил еще в 1815 году в известном трактате «Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви». В нем он писал: «... вера и любовь возбуждают меня к ревности по святой Восточной Церкви; любовь, смирение и надежда научают терпимости к разномыслящим» (186, с. 450).

Филарет следил за событиями церковной жизни в Европе. 21 октября 1842 года он пишет записку московскому почт-директору А. Я. Булгакову: «С благодарностью за удовлетворение любопытству возвращаю Вашему Превосходительству два письма [номера] французского журнала. Кто хотя несколько знает историю начала унии в России, тот легче увидит в манифесте папы, что непогрешительный грешник против истины, как сказка; и потому незнающий может догадаться о клевете на современные события. Жаль, что Европа охотно доверяла клеветам на Россию: так ныне потерявшие добродетель охотно верят клевете на добрых. Благословение Вам призываю. Вашего Превосходительства покорнейший слуга Филарет, м. Московский» (187, с. 67). Из этой записки видно и стремление святителя к знанию современной ему жизни Западной Европы, и ясная позиция в отношении противоречивой политики папы Григория XVI, который в 1830 и 1832 годах осудил польских повстанцев как «нарушителей государственного порядка», а в 1839 году осудил воссоединение униатов; в 1840 года пошел на переговоры с Россией, а в июле 1842 года обвинил российское правительство во «враждебных действиях» против польских католиков (129, т. 12, с. 659).

Митрополит подчас тяготился этим разнообразием дел и забот, желая аскетического уединения. Своему духовнику, наместнику Свято-Троицкой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), писал, что «пыль земных сует и пристрастий засыпает око ума; и, не отвращая очей от суеты, мы сами себе заграждаем созерцание истины» (182, ч. 1, с. 130). Но как знать, не эта ли мелочная суета сует теребила его беспокойную мысль?

В проповеди 27 сентября 1842 года, посвященной памяти преподобного Сергия Радонежского, у него вырвалось: «...желал бы я узреть пустыню, которая обрела и стяжала сокровище, наследованное потом Лаврою. Кто покажет мне малый деревянный храм, на котором в первый раз наречено здесь имя Пресвятой Троицы? Вошел бы в него на всенощное бдение, когда в нем с треском и дымом горящая лучина светит чтению и пению, но сердца молящихся горят тише и яснее свечи...». «Кто даст мне криле, яко голубине, и полещу и почию...» (179, т. 4, с. 193–195), – мечтательно сказал он однажды словами псалма. Но, верный завету монашеского послушания, нес ту службу, на которую был поставлен.

Однако глубокий разрыв между высотой христианского идеала жизни и современной ему обыденностью побуждал его как к вразумлению своей паствы, так и к осмыслению этого разрыва. «Богословие рассуждает», – частенько повторял митрополит, и главной темой его богословствования было развенчание земной жизни и призыв к жизни вечной, к жизни с Богом. Не мягкое утешение, а резкий, ослепительный свет истины, который жжет глаза, предлагал современникам Филарет, «свет, ранящий очи, – разрушительный динамит христианства, не терпящий прикосновения мирского, превращающий мир в обломки» (59, с. 124); не умильное «розовое христианство», удобное и приятное для «сынов мира сего», а более глубокие *страх Божий* и *любовь Божию* открывал своей пастве святитель Филарет, памятуя слова апостола, что *совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ии. 4, 18). Для него не было вопроса, можно ли богословствовать после Отцов Церкви: «Что после ев. Златоуста можно толковать послания [Апостольские], сие неоспоримо потому, что есть вопросы, сделанные на них после того, которые надобно разрешить; ложные толкования, сделанные после него, которые надобно отвергнуть» (цит. по: 84, т. 3, с. 413). Его беспокойная мысль часто тревожила современников, подчас раздражала покорных и робких, но он утверждал свое: «Нет! Христианство не есть юродство или невежество, но *премудрость Божия*...» (179, т. 2, с. 373).

Обычным упреком в отношении филаретовских проповедей (вплоть до сегодняшнего дня) стала их сложность. Конечно, они не рассчитаны на простецов, они адресованы образованным и подготовленным людям, потому что святитель Филарет стремился поднять своих слушателей до высот богословской мысли, а не опускался до их уровня. Впрочем, он был реалист и писал А. Н. Муравьеву: «Любомудрствование Григория Богослова о древе познания добра и зла есть также плод, которым я бы не советовал кормить всякого, ибо он не всякому по зубам» (183, с. 32).

«Он не создал школы, но он создал нечто большее – духовное движение, – писал протоиерей Георгий Флоровский. – Филарет был всегда внутренне очень сдержан в своих богословских рассуждениях и к такой же ответственной сдержанности призывал других. В нем поражает, прежде всего, это неусыпающее чувство ответственности, – именно эта черта делала его облик таким строгим» (191, с. 182).

Тем не менее определение «гениальный» чаще применяется к проповедничеству Филарета. Его проповеди были и остаются непревзойденными образцами церковного красноречия и богословской мысли, они, по определению В. П. Зубова, «чеканны»: «...ни одного слова нет лишнего и ни одного неточного» (59, с. 136). В то же время характерной чертой филаретовского проповедничества была опора на разум, а не на эмоции, в отличие от его современника архиепископа Иннокентия (Борисова), считавшегося в XIX веке «первым русским проповедником».

Темы филаретовских проповедей часто повторяются: это церковные праздники, из которых святитель чаще произносил слово на дни Богородичных праздников, дни памяти преподобного Сергия и святителя Алексия, митрополита Московского; это царские дни, дни тезоименитства и коронации; освящение храмов в Москве, что особенно почитал митрополит; наконец, слова на различные случаи – принесение присяги судьями, отправление сестер милосердия на театр боевых действий, при хиротонии своих викарных епископов; иногда он затрагивает события политической жизни Европы и т. д. Но содержание его проповедей всегда ново, в них неизменно находим как новые повороты мысли в понимании вечных истин Писания и тайн Божественного домостроительства, так и горячее чувство сострадания к людям, пламенную ревность в нравственном наставлении, тонкое знание человеческой природы.

Приведем еще несколько примеров филаретовского слова. В проповеди при вступлении в управление московской епархией 14 августа 1821 года святитель Филарет сказал: «Человек! Самое близкое к тебе и самое опасное для тебя поле брани есть собственная твоя жизнь и деятельность в мире... Если тебе неизвестна сия брань, то, конечно, ты никогда не пробуждался от дремоты чувственной жизни к бодрствованию высшей жизни человеческой, никогда и главы не возносил из плена и рабства духовного... Иногда, например, нам кажется, что мы победили корыстолюбие или сластолюбие, совершив подвиг благотворения или воздержания; но, в то же самое время, входя в глубину сердца, усматриваем, что мы там побеждены тщеславием или гордостью, и там, где мы думали стоять под защитой совести сверх опасения, уязвляемся ее пальцами стрелами» (179, т. 2, с. 5–6).

Митрополит Филарет неизменно писал свои проповеди и читал с амвона. В старости его тихого голоса было почти не слышно, но проповеди переписывались от руки и становились известными всей церковной Москве. В проповеди, произнесенной в июле 1831 года, он избрал темой отношение человека к собственности, указав на то, что страсть к богатству «может довести тебя до измены учению Христову и удалить от Христа. Что же делать, скажет кто-либо, неужели всем бросать имение и сделаться нищими? Нет, опять не о том дело. Ибо и Христос не от всякого требовал добровольной нищеты... Напоминай себе часто, что скорее или медленнее, но во всяком случае чрез не долгое время или богатство тебя оставит, или ты оставишь богатство; и потому обходи с ним, как с гостем, которого надобно честно принять и честно проводить» (179, т. 3, с. 179–180).

25 марта 1843 года в Чудовом монастыре Московского Кремля он произносит проповедь на день благовещения Пресвятой Богородицы: «Дивны дела Твоя, Господи! Дивны Твои тайны, Богородице! Кто слышит твой тихий глагол в Твоей затворенной молитвенной храмине? Кто провидит, какие огромные дела ведет за собою Твое малое слово? Мир ощущает ли сию минуту, в которую делается перелом всецелой судьбы его, в которую изменяются отношения между небом и землею? Знает ли мечтающий о всемирном владычестве Рим, что в одной из дальних областей его некая дочь царей, называющая себя рабою Господнею, изрекла приговор, который готовит миру нового, лучшего, высочайшего Владыку, а Риму разрушение гордого и своенравного владычества?» (179, т. 4, с. 237).

Митрополит Филарет был нередким гостем в Московском университете. В день столетия университета, 12 января 1855 года, в храме мученицы Татианы он произнес свое слово: «Обитель высших учений празднует ныне день своего рождения... Чего ищет наука в неизмеримом пространстве вселенной и в тайных хранилищах природы человеческой? Истины. Утвердите, что нельзя найти ее, вы поразите науку смертельным ударом... После сего извольте усмотреть, ревнители истины, в каком положении находится человечество в отношении к истине. Истина так необходима ему, как пища; истина доступна его познанию; и между тем целый мир в продолжении веков и тысячелетий не умел найти и привести в действие первую, коренную, преимущественно необходимую, явь поставленную истину... Не скажет ли мне кто-нибудь: это истина Божия, предоставляем ее богословам; нам принадлежит подвиг о истине естественной, полезной для человека и для общества человеческого?.. Для чего хотят рассекать истину? Рассекать – значит убивать. Нет жизни без единства. Неужели думают, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной?.. Исторгните солнце из мира, что будет с миром? Исторгните сердце из тела, что будет с телом?.. Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца» (179, т. 5, с. 293, 295–298).

И вновь забегая далеко вперед, стоит отметить, что полтора столетия спустя те процессы, начало которых прозревал святитель Филарет, стали очевидностью. В 2004 году известный американский социолог И. Валлерстайн констатировал: «Никогда прежде в истории мира не было такой непреодолимой пропасти между поисками истины и поисками добра и красоты. Ныне эта пропасть вписана в сами структуры знания и в мировую университетскую систему» (26, с. 42).

В связи с проповедничеством святителя Филарета стоит особо сказать о его вкладе в развитие русского литературного языка, что позволяет сопоставлять его усилия с усилиями его старшего современника Н. М. Карамзина. Но если писатель осовременивал русский язык, заменяя книжный стиль разговорной речью, смело вводил европеизмы, то митрополит оберегал его первоначальную, церковно-славянскую чистоту и высоту. В филаретовских проповедях, отмечал В. П. Зубов, славянизмы не архаичны (как, например, у адмирала А. С. Шишкова), а высоки, «это – чистый русский язык, кристально-классический...» (59, с. 141). Примерами сказанного являются не только проповеди, но также тысячи писем и резолюций митрополита Московского, в которых каждое слово сжато и точно выражает мысль. Вот он отвечает на письмо своего викарного епископа Николая (Соколова): «Простите, что долго не пишу: не достаёт сил написать все необходимое, и не доходит очередь до желаемого» (цит. по: 84, т. 3, с. 491).

Святитель Филарет оберегал чистоту языка церковной проповеди от «вторжения Вавилона» – смешения слов высоких и низких; его проповедь никогда не превращалась в политическую речь, отражая злобу дня, а всегда была пронизана ощущением святости Церкви. Он не принимал упреков в «сложности» своих проповедей, будучи «человеком, погруженным в культуру», не терпел опрощения высоких истин и предлагал свои слова людям зрелой культуры, не стремясь к широкой доступности.

Рассмотрение деятельности митрополита Филарета в контексте русской культуры первой половины XIX века некоторым сейчас кажется странным, но в то время это было естественным. И формально, и фактически Церковь была неотъемлемой частью жизни русского общества.

Уже в первые годы своего пребывания в Петербурге Филарет смог войти в круг высокопросвещенных дворян. Круг общения молодого архимандрита, затем архиерея составляли там не только монашествующие и чиновники Святейшего Синода, но и Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, адмирал А. С. Шишков, А. Н. Оленин, граф А. К. Разумовский, граф С. Б. Потемкин, графиня А. А. Орлова-Чесменская, С. С. Мещерская и менее известные представители дворянской интеллигенции.

В январе 1814 года архимандрит Филарет по просьбе президента Академии художеств А. Н. Оленина выступил с речью на торжестве открытия Публичной библиотеки; в июле 1815 года и 1817 года присутствует на выпускных экзаменах в Царскосельском лицее; он был избран членом Российской академии и Общества любителей русской словесности, ординарным академиком Императорской Академии наук и почетным членом Московского университета, почетным председателем Общества любителей духовного просвещения, почетным членом Общества истории и древностей российских, Археологического, Географического и других обществ.

Показательно, что *своим* его считали члены литературного кружка «Арзамас». В. А. Жуковский полушутливо писал А. Ф. Воейкову 20 февраля 1814 года: «Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземский, Батюшков, я, ты, Уваров, Тургенев должны быть под одним знаменем: простоты и здравого вкуса... Министрами просвещения в нашей республике пусть будут Карамзин и Дмитриев, а папою нашим Филарет» (16, т. 1, с. 220).

В московский период служения святитель Филарет естественно вошел в круг дворянской интеллигенции старой столицы. Н. П. Барсуков так писал о Москве 1830-1840-х годов: «Московский университет, славянофилы и западники, и московский [Малый] театр – служители науки и служители искусства – составляли одно нераздельное целое. А над всеми ними царило Троицкое подворье, в котором пребывал Филарет» (цит. по: 134, с. 29). К нему тянулись и сами деятели культуры, находившие радушный прием на Троицком подворье на Самотеке: профессора университета М. П. Погодин и С. П. Шевырев, «басманный затворник» П.Я. Чаадаев и светский апологет Православия А. С. Хомяков, в 1840 году приведший англиканского диакона Уильяма Пальмера, искавшего единства веры с Православной Церковью.

То не были официальные обязательные посещения, напротив, возникло обоюдно интересное общение. Так, П.Я. Чаадаев, летом 1844 года перевел одну из проповедей митрополита и опубликовал во французском журнале. Он писал в письме А. И. Тургеневу 15 февраля 1845 года: «Митрополит тебе кланяется. Он так же мил, свят и интересен, как и прежде. Ваши об нем бестолковые толки оставили его совершенно равнодушным и не нарушили ни на минуту его прекрасного спокойствия» (199, с. 449). Другой близкий к святителю представитель столбового дворянства И. В. Киреевский записал 7 октября 1853 года в дневник: «Ездил к митрополиту с Жуковскими... Ни разу, кажется, не бывал я у митрополита, не чувствуя себя проникнутым благоговением. Особенное чувство близости святыни, чувство и трепетное, и радостное» (73, с. 441).

Стоит особо сказать о влиянии святителя Филарета на А. С. Пушкина. Литературоведы давно отметили, что стихотворение «Перед гробницею святой...» навеяно филаретовским словом пред погребением фельдмаршала М. И. Кутузова в 1813 году, а «Герой» – прямо созвучно речи митрополита 29 сентября 1830 года. Их общая знакомая Е. М. Хитрово зимой 1829 года

сообщила митрополиту стансы поэта «Дар напрасный, дар случайный...», а вскоре передала Пушкину поэтический ответ святителя:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.

Вспомнись мне, Забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Пушкин продолжил поэтический диалог, написав 19 января 1830 года новые стансы, прямо обращенные к митрополиту Филарету:

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет гласу Филарета
В священном ужасе поэт.

Данный эпизод, уникальный в истории русской культуры, имеет не только биографическое значение. Протянутая рука Русской Церкви в лице ее видного представителя была принята первым русским поэтом, олицетворением Русской Культуры. К сожалению, эта тенденция

не получила продолжения с обеих сторон. В дальнейшем русла развития русской культуры и Церкви то идут параллельно, то и вовсе расходятся.

Позднее к авторитету московского митрополита обратился и Н. В. Гоголь, поручивший графу А. П. Толстому показать святителю второй том «Мертвых душ», дабы узнать его мнение, но граф не выполнил просьбы. Стоит отметить, что имевший на Гоголя в последние годы его жизни большое влияние ржевский священник Матфей Константиновский прямо побуждал писателя отказаться от искусства, отречься от своих художественных идеалов. Святитель Филарет, также отводя искусству подчиненное положение в жизни человека, все же не так прямолинейно доктринален, признавая важность художественного творчества как дара Божия.

Конечно же, святитель был человеком своего времени, скорее даже – человеком ушедшего XVIII века по серьезности и искренности следования высоким идеалам и принципам. Подчас эти принципы оказывались устаревшими. Так, в 1848 году митрополит Филарет резко одернул своего ученика, архимандрита Феодора (Бухарева), пытавшегося в серии статей «О Православии в отношении к современности» искать «мерцания Божия света» и во внешне нехристианских явлениях современности.

Но в то же время поражает верность старца митрополита высоким идеалам Церкви. Несколько десятилетий митрополит по своей должности входил в состав Комитета по строительству в Москве храма Христа Спасителя, а по своей деятельной натуре принимал активное участие во всех этапах создания храма – от проектов и строительства до эскизов росписей и настенных барельефов (он же и разработал сюжеты для них). 23 октября 1853 года он направляет генерал-губернатору графу А. А. Закревскому, председателю Комитета, записку о внутреннем устройстве храма, в которой пишет: «По древнему чину олтарь в церквях, особенно в соборах, как можно видеть в Успенском соборе, разделяем был на три части. Из них средняя, в которой престол есть собственно олтарь или Святая святых, боковая северная – жертвенник и боковая южная – диаконник, место приготовления утвари и облачений. Разделение сие важно и нужно, дабы в точности могло быть исполнено 69-е правило 6-го Вселенского Собора, которое говорит: токмо царь един и ин никто же от мирских человек во очистилище внидет. В церквях, в которых олтарь не разделен, мирские люди, имея нужду приходить к жертвеннику для принесения и принятия просфор, привыкают неосмотрительно приближаться и к престолу. В новосозданном храме олтарь в архитектурном устройении не разделен, но его пространству есть возможность дать ему внутреннее разделение так, чтобы оно далее может способствовать его благолепию. Для сего можно было бы от восточной стены до иконостаса провести линию резной преграды высотой несколько более роста человеческого...» (189, с. 247–250). Очевидно, что святитель ни много ни мало стремится создать идеальный храм, отвечающий его высокому представлению о святости Церкви, церковного храма и алтаря. Николай I отверг его предложение.

Едва ли можно подумать о наивности семидесятилетнего митрополита, предложившего нарушить привычный для поколений православных порядок, но он так понимал свой долг. Он мог промолчать, таить в душе и лишь временами переносить в проповеди свое трепетное отношение к Божию храму, но тут воспользовался царским повелением об «устройении храма сообразно с древним церковным обычаем», отнесся к формальному обороту документа серьезно – так, как может и должен относиться к жизни христиан. Это лишь один пример.

Митрополит стал духовным наставником для всей московской паствы, но за десятилетия сложился круг близких к нему людей, почитавших его как старца, духовного отца. Среди них были и известный вельможа князь С. М. Голицын, и простой чиновник М. М. Евреинов. К скромному Михаилу Михайловичу были обращены такие духовные наставления 11 июня 1827 года: «Молитва друг о друге есть лучшее из общений. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать от них. Надобно различать дело молитвы от услаждения в ней. Дело делает человек, и должен делать постоянно и неослабно по правилу и

порядку; а утешение дарует Бог по благодати, когда то нужно для привлечения или подкрепления человека и когда человек принять оное может». А князя святитель утешал 21 июня 1855 года после кончины его сестры Елены Михайловны: «Прейти от видимого в невидимое нам надобно; и верен и благ Господь, чтобы определить, кому когда лучше, кому ранее, кому позже» (187, с. 90, 85).

Он был строг к другим, но был строг и к себе. Одно его письмо к духовной дочери графине Е. В. Новосильцевой от 12 августа 1822 года заканчивается словами: «Простите, если я сказал много и ненужное». После преждевременной гибели ее сына Владимира святитель Филарет пишет безутешной матери: «Если не время желать Вам спокойствия, желаю Вам кротких слез, орошающих сердце, доколе взойдет солнце утешения, дабы из посеянного в слезах возросло нечто для радостной жатвы» (187, с. 218, 264).

Стоит упомянуть и о горячности митрополита, которую он сумел подавить уже в зрелые годы, и о его смирении. Он мог сказать резкое слово М. М. Тучковой (будущей игумении Марии), но потом поехать к ней с извинениями; спорил в московском Тюремном комитете с добрейшим доктором Ф. Ф. Гаазом, позднее вынужденно признавая его правоту; частенько бывал резок со священниками своей епархии, но его высокая требовательность объяснялась высотой его норм церковной жизни.

8

Эпоха имперской мощи России завершилась со смертью Николая I и поражением русской армии в Восточной войне 1853–1856 годов. С воцарением Александра II начиналась новая эпоха, которую позднее одни назовут «Смутным временем», другие – Великими реформами, третьи – «вынужденными уступками царизма».

Коронация будущего Царя Освободителя началась 26 августа 1856 года с приветственного слова митрополита Филарета, уже маститого старца: «Молитвою любви и надежды напутствует Тебя Россия. С молитвою любви и надежды приемлет Тебя Церковь». А далее, в приветственном слове, первым делом царя митрополит назвал следование всегда верному направлению «ко благу общественному» (179, т. 5, с. 385, 386).

Для России первым и самым важным делом становилось проведение коренных преобразований во всех сферах жизни, долженствующих преодолеть ее отставание от более развитых стран Западной Европы, что с очевидностью проявилось в годы Восточной войны. И молодой император, несмотря на свои сдержанно консервативные убеждения, был вынужден приступить к выработке плана подлинной «революции сверху». Главной и самой трудной задачей власти стала ликвидация крепостного строя, который препятствовал переустройству русского общества и государства на капиталистической основе. В начавшейся эпохе *оттепели* и *гласности* стало возможным поднять вопрос и о преобразованиях в церковной жизни страны.

Едва получив возможность сказать свободное слово, считавшаяся «застойной» и «казенной», Русская Церковь активизировалась. Иерархами, священниками и светскими лицами составляются многочисленные проекты реформ, начиная от возвращения к канонической форме управления в виде патриаршества и созыва Поместного Собора до расширения прав церковных приходов и повышения материального обеспечения сельского духовенства. В журналах публикуются не только мнения, но и полемика по церковным вопросам. Кроме того, русское духовенство, особенно сельское, оказалось вовлеченным в обсуждение способов освобождения помещичьих крестьян, целей и методов проведения государством коренных социально-экономических преобразований, а также их последствий.

Митрополиту Филарету было уже больше семидесяти лет. Его возраст и общепризнанный авторитет давали возможность занять позицию стороннего наблюдателя, но его активная натура требовала действия, он был готов выразить свое мнение и даже принять участие в делах

государственных, тем более – в церковных. В августе 1856 года, во время коронации императора Александра II в Москве собралось несколько архиереев, и святитель воспользовался этим для проведения своеобразного Архиерейского Собора. На нем, помимо текущих проблем церковной жизни, он вновь поднял вопрос о Русской Библии.

Любопытно, что его давний друг архиепископ Евгений (Казанцев) недоумевал, почему митрополит прямо не попросил об этом молодого государя в момент коронации, когда тот ни в чем бы ему не отказал. Но святитель Филарет считал, что такое важное дело с необходимостью должно идти законным путем, а не путем личных договоренностей – и в этом весь Филарет.

Он смог убедить собратьев в важности перевода Священного Писания на русский язык, но вскоре его соименник митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров) и новый обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой затормозили дело. Лишь спустя два года, в мае 1858 года, император Александр II утверждает решение Святейшего Синода, и в четырех Духовных Академиях приступили к полному переводу Библии с церковно-славянского, остававшегося по-прежнему языком богослужения. Стоит ли говорить, что за основу перевода Пятикнижия, Псалтири и Евангелия были взяты давние издания времен Библейского общества. Сам святитель не дожил до выхода в свет Русской Библии, полный синодальный перевод которой вышел в 1876 году.

Отношение митрополита Филарета к проектам преобразования церковной жизни было сдержанным. «Он ясно видел, насколько упрочились те отношения между государством и Церковью, при которых последняя становилась просто ведомством греко-русского исповедания, – отмечал И. К. Смолич. – Таковую успешную закостенеть традицию могла бы изменить только более мощная сила, идущая изнутри самой Церкви, но он не верил, что его современники способны проявить такую силу» (158, т. 1, с. 220).

В ноябре 1861 года министр внутренних дел П.А. Валуев, разработавший программу преобразования Русской Церкви для приспособления ее к условиям посткрепостнической России, специально приехал в Москву для обсуждения на Троицком подворье своих планов. Вопреки его опасениям митрополит Филарет положительно отнесся к ликвидации замкнутости духовного сословия, к появлению возможности свободного выхода из него и вступления в него. Однако святитель не согласился с предложением передать реформирование системы духовных учебных заведений в руки чиновников, настаивая на том, что это дело церковное. Не принял он и предложение ввести представителей духовенства в Государственный Совет – в чем усматривается попытка прямой лести, ибо кто как не московский митрополит был бы первым кандидатом? Но митрополит указал, что духовные лица могут уронить свой авторитет, проявив некомпетентность в обсуждении различных вопросов государственной жизни. По мнению С. В. Римского, святитель Филарет «всегда, насколько это было возможным, старался устранить попытки вовлечения Церкви в политическую деятельность. Это убеждение нигде им открыто не было заявлено, но оно совершенно ясно проступает в его делах» (138, с. 241). Этот урок святителя, подкрепленный печальным опытом первых десятилетий XX века, также учтен в современной жизни Русской Церкви.

Очевидно, что митрополит Филарет страшился больших потрясений в церковной жизни. «Корень вопроса в том, как светская власть чтит и считается с властью церковной», – утверждал он. «Наши изуродованные суетою обычаи, не исправляемые и грозным временем, угрожают более, нежели внешние враги», – писал он 16 февраля 1855 года к А. Н. Муравьеву (183, с. 238).

Пределы уступок митрополита уже своим церковным собратьям выявились в конце 1864 года в ходе конфликта по проекту устава духовных семинарий. Созданный митрополитом из представителей белого духовенства комитет неожиданно занял «нагло демократическую позицию», по выражению викарного епископа Саввы (Тихомирова): священники предлагали полностью заимствовать опыт светских школ, создать педагогические советы, уменьшить права архи-

ерея и ректора. По ироническому замечанию митрополита Филарета, архиерею оставалось лишь право «возлагать руки на головы, которые подставит ему семинарская корпорация» (цит. по: 138, с. 305). Он твердо заявил, что или комитет должен изменить свое заключение, или он напишет против него возражение в Синод.

Означало ли это, что он вообще был против любых перемен? Нет, конечно, но долгий опыт жизни убедил его в том, что зачастую благие намерения людей приводят их к прямо противоположным результатам. Его считали консерватором не только «революционные демократы» В. Г. Белинский и А. И. Герцен, «западник» Б. Н. Чичерин, но и славянофилы И. С. Аксаков и А. И. Кошелев, полагавшие его взгляды «устарелыми» (см. 189, с. 184–203). Впрочем, для этого имелись основания. Например, в своей проповеди 12 февраля 1855 года митрополит с печалью констатировал, что «много набожного, доброго, невинного, скромного из преданий и обычаев отеческих пренебреженно и утрачено, и как много многие приняли чуждых, очевидно бесполезных и неприметно клонящихся к вреду новостей. Указать ли на раболепство чуждому непостоянству и нескромности в одежде?.. Указать ли на обычай многих без нужды употреблять чуждый язык, как будто некое отличие высшего звания и образованности?» (179, т. 5, с. 303).

Однако позиция митрополита Филарета не была однозначно негативной. В ответ на запрос из Государственного Совета, где предполагалось обсуждение вопроса о «вредности современных идей», святитель в письме от 27 августа 1858 года пишет: «Воюют против современных идей. Да разве идеи Православия и нравственности уже не суть современные? Разве они остались только в прошедших временах? Разве уже все мы язычники до одного? Не время виновато, а мысли неправославные и безнравственные, распространяемые некоторыми людьми. Итак, надобно воевать против мыслей неправославных и безнравственных, а не против современных» (180, т. 4, с. 369).

Прежде всего святитель опасался того, что общественная жизнь в России выйдет из берегов и разольется революционным потоком, что он считал бедствием. Еще в 1821 году в своей проповеди 15 июня он сказал: «Правительство, не огражденное свято почитаемую от всего народа неприкосновенностию, не может действовать ни всею полнотою силы, ни всею свободю ревности, потребной для устроения и охранения общественного блага и безопасности... Но если так не твердо Правительство, не твердо так же и Государство... в таком положении Государство колеблется между крайностями своеволия и преобладания, между ужасами безначалия и угнетения и не может утвердить в себе послушной свободы, которая есть средоточие и душа жизни общественной» (179, т. 2, с. 9–11). Спустя тридцать пять лет, в проповеди от 22 июля 1856 года, святитель вновь говорит о том же – о революционерах, которые «умеют потрясать древние здания государств, но не умеют создать ничего твердого»: «Они тяготеют отеческою и разумною властью царя и вводят слепую и жестокою властью народной толпы и бесконечные распри искателей власти. Они прельщают людей, уверяя, будто ведут их к свободе, а, в самом деле, ведут их от законной свободы к своеволию, чтобы потом низвергнуть в угнетение» (179, т. 5, с. 382).

Проблема *свободы*, ставшая фетишем для либералов и революционеров, также занимала митрополита Филарета, который осмыслял ее с православных позиций. В проповеди от 25 июня 1851 года он сказал: «Некоторые под именем свободы хотят понимать способность и невозбранность делать все, что хочешь. Это мечта, и мечта не просто несбыточная и нелепая, но незаконная и пагубная». И тут же предлагает свое понимание: «Любомудрие учит, что свобода есть способность и невозбранность разумно избирать и делать лучшее и что она по естеству есть достояние каждого человека». Далее святитель раскрывает православное понимание этого явления: «Наблюдение над людьми и обществами человеческими показывает, что люди, более попустившие себя в сие внутреннее, нравственное рабство – в рабство грехам, страстям, порокам, чаще других являются ревнителями внешней свободы, сколь возможно расширен-

ной свободы в обществе человеческом пред законом и властью. Но расширение внешней свободы будет ли способствовать им к освобождению от рабства внутреннего? Нет причины так думать. С большею вероятностью опасаться должно противоположного» (179, т. 5. с. 128–130). Как не вспомнить здесь печальный опыт России в 1990-е годы, когда кумиром общества и власти стала именно внешняя свобода...

До Троицкого подворья доносился шум «взбаламученного моря» русской жизни, и святитель Филарет отзывался на него. «Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять, – писал он епископу Иннокентию (Вениаминову). – Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг против всех недостатков, но в особенности против более вредных и предлагать средства исправления не вдруг всепотребные, но сперва преимущественно потребные и возможные» (148, 1881, т. 2, с. 28). Отзываясь и на поднявшийся в русской печати обличительно-очернительный вал, митрополит 2 января 1862 года писал наместнику

Лавры архимандриту Антонию (Медведеву): «Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный» (182, ч. 4, с. 322).

В русской общественной мысли в ту эпоху возникают новые явления, и приходилось бороться не только против замшелой косности и консерватизма, но и против не менее опасных *нигилизма* и *прогрессизма*. В разгар эпохи Великих реформ, 10 апреля 1867 года святитель пишет ректору Московской Духовной Академии протоиерею Александру Горскому: «Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к единству. Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит твердо, чтобы перестроение не обратилось в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину» (172, 1884, кн. 4, с. 432). Это скорее позиция консервативного реформатора. По выражению протоиерея Георгия Флоровского, святитель Филарет неизменно «предпочитал малые дела широким планам и громким словам» (191, с. 334).

Известно участие митрополита Филарета в крестьянском деле. Именно к нему в январе 1861 года решил обратиться император Александр II с просьбой о составлении текста исторического документа. Перу Филарета принадлежит подписанный 19 февраля Александром II Манифест об освобождении помещичьих крестьян, завершающийся словами: «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного» (79, с. 829).

В то же время святитель отнесся с большой осторожностью к попытке государства вовлечь сельское духовенство в дело преобразования русской деревни. Он трезво оценивал вынужденно паллиативный характер крестьянской реформы: «Предприемлемому обширному преобразованию радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди опыта ожидают онаго с недоумением, – писал он в письме от 6 февраля 1861 года к министру юстиции графу В. Н. Панину. – Помещики не найдут ли себя стесненными в праве собственности и в хозяйственных обстоятельствах?» (180, т. 5, ч. 1. с. 17). В письме к товарищу обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову митрополит Филарет предлагает не обязывать священника участвовать в делах земства, но только предоставить ему такую «возможность» (185, с. 262). В целом он сдержанно смотрел на возможность участия Церкви в общественной жизни. «Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не соступая с поприща духовного, – писал он архимандриту Антонию (Медведеву). – Но, вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжать идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 года Св. Синод, думая сильно под-

держат правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир» (182, ч. 3, с. 240).

Возражая на предложение о слиянии церковно-приходских школ с народными ради скорейшего просвещения народа, митрополит Филарет указывает на необходимость постепенности даже в видимо благих начинаниях. Характерна его оговорка при этом: «Может быть, я подвергаю себя причислению к людям отсталым, ретроградным, к обскурантам, если скажу теперь, что думаю. И, вероятно, слова мои не принесут пользы, потому что дело, которое спешит вперед, не захочет оглянуться на меня и остановиться, однако выскажу мои недоумения, по крайней мере, для того, чтобы признаться в них и поступить искренно» (180, т. 5, ч. 1, с. 312).

То, что людская молва называла консерватизмом, было предвидением святителя Филарета. Нередко у него то в проповедях, то в письмах вырывались оговорки, что и храмы, им освященные, будут разрушены, и иконы, украшаемые богатыми ризами, будут поруганы. В письме к отцу Антонию (Медведеву) 26 марта 1864 года святитель сообщает о своих писаниях в Синод относительно безнравственных зрелищ, безверной литературы и дешевого вина, губительно действующего на народ, заключая: «Но писать сие побудила меня обязанность, а не надежда успеха». Спустя год в письме к нему же вырывается: «Господи, спаси Царя и Россию, – не болящую ли?» (182, ч. 3, с. 261, 285).

9

Описание жизни и личности святителя Филарета было бы неполным и неверным без упоминания о его монашеском и старческом служении. На первый взгляд, какое уж тут монашество: посреди шумной Москвы, постоянно в окружении людей и в кипении множества дел. Но ведь это внешнее. А внутренней, духовной жизни Филарета не знал никто. Лишь своему духовнику, архимандриту Антонию (Медведеву), он открывал свои думы, печали, сомнения и переживания.

Печаль приносили родные. То батюшка загуливал в Коломне, то позднее зять, священник московской церкви Троицы в Листах Григорий Богоявленский, женатый на сестре владыки Аграфене Михайловне, в хмельном загуле бывал буен и жесток... и ничего-то поделать с этим было нельзя (см.: 39, т. 1, с. 391). То экономы подворья, присылаемые из Лавры, оказывались похитителями, утаивая тысячи рублей...

Отец наместник все знал и все понимал, хотя по собственной горячности частенько спорил с митрополитом. Вместе они основали в 1842 году неподалеку от Лавры Гефсиманский скит с особо строгим уставом, в котором митрополит не только отдыхал от трудов, но и предавался раздумьям.

«Не в усилении чувств молитва, но в тихом памятовании о Господе, – записал он в свой дневник 7 апреля 1836 года. – Помните о Нем, и Он Сам придет посеять молитву в сердце» (188, вып. 1, с. 59). Очевидно, что сам святитель постиг это «веяние тихого ветра»: *И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом; но не в ветре Господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении Господь. После землетрясения огонь; но не в огне Господь. После огня веяние тихого ветра* (3 Цар. 19, 11-12).

Примечательно, что, не будучи знакомым с преподобным Серафимом Саровским, о котором он узнал от отца Антония (Медведева), святитель сразу не усомнился в святости старца и приложил много усилий для издания первого Жития преподобного, а позднее – для прекращения смуты в Серафимо-Дивеевской обители.

И конечно же, он сам стал старцем, духовным наставником для многих близких к нему лиц, среди которых названные ранее князь С. М. Голицын и скромный чиновник М. М. Евреинов, близкие к царскому двору В. М. Нарышкина, Е.В. Новосильцева и ревностные почита-

тельницы митрополита, скромные московские дворянки Е. В. Герард, А. П. Глазова и многие другие. Святитель Филарет встречался с ними на Троицком подворье, навещал в их жилищах, к ним адресованы десятки его писем.

Приведем всего несколько фраз из писем к вдове генерала А. А. Тучкова – игумении Марии (Тучковой): «Что делается на всю жизнь, то лучше сделать нескоро, нежели торопливо»; «Невидимые, но подлинные грехи видеть иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели»; «Врачуйте уязвленное сердце здравым рассуждением, молитвою и упованием на Бога»; «Да взыщем радости, в которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая в радость будет».

11 сентября 1863 года митрополит Филарет направил созданному в Москве его попечением Обществу любителей духовного просвещения благодарственное письмо за избрание почетным попечителем. То не был формальный ответ, а нравственное наставление о мудрости христианской: «Мудрость христианская должна быть *чиста* — чиста по ее источнику, по ее побуждениям и цели... Мудрость христианская *мирна*, и подвизающийся для нее должен быть мирен... Только в тихой, а не волнуемой воде отражается образ солнца; только в тихой, не волнуемой страстями душе может отразиться высший свет духовной истины... Мудрость христианская *кротка*... Дух порицания бурно дышит в русской словесности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни властей, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления. Но мы видим, как порицание сражается с порицанием, удвоенными и утроенными нападениями, и ни одна сторона не обещает исправиться... Мудрость христианская *благопокорлива*... Ревнителю истинного просвещения должны поднимать дух народа из рабской низости и духовного оцепенения к свободному раскрытию его способностей и сил, но в то же время утверждать его в повиновении законам и властям, от Бога поставленным, и охранять от своеволия, которое есть сумасшествие свободы» (179, т. 5, с. 558–559). Эти слова можно назвать нравственным завещанием святителя Филарета.

5 августа 1867 года торжественно отмечалось пятидесятилетие служения святителя Филарета в архиерейском сане. В Свято-Троицкую Сергиеву Лавру со всех концов России съехались гости из разных епархий, архиереи, священники, монахи, депутаты от учебных заведений. После торжественной литургии и молебна в митрополичьих палатах состоялся торжественный акт. Первым было оглашено приветствие от лица императора и всей царской фамилии. Высочайшим рескриптом «за непрерывные заботы о духовном преуспейнии паствы, о насаждении и утверждении единоверия, о развитии и преумножении благотворительных и воспитательных учреждений, за щедрую поддержку оных, многочисленные пастырские писания, глубокую опытность в делах высшего церковного управления, пастырскую попечительность о высших интересах Православия и живое внимание к судьбам православного мира» предоставлено было патриаршее право предношения креста в священнослужении, ношение креста на митре и двух панагий. При сем пожалована была панагия, украшенная драгоценными камнями, на бриллиантовой цепочке и настольные портреты трех императоров, в царствования которых он служил, соединенные вместе и осыпанные бриллиантами. Последовали приветствия других лиц и учреждений, на которые святитель отвечал очень кратко.

«Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существования, но с глазами, полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него, – вспоминал тот день Ф.И. Тютчев. – Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа» (цит. по: 69, с. 390–391).

Незадолго до юбилея митрополит Филарет перевел стихи почитаемого им святителя Григория Богослова (цит. по: 69, с. 388):

Близок последний труд жизни: плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшится
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, преселяясь отсюда —
Жертвой себя предавая скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вот заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.

Скончался святитель Филарет 19 ноября 1867 года в Москве, на Троицком подворье, в воскресный день, после совершения им литургии и приема нескольких гостей. Двенадцать ударов Царь-колокола Ивановской колокольни в Кремле возвестили Москве и России кончину великого митрополита Московского.

Примечания

¹ Изучение жизни и творческого наследия митрополита Филарета началось в конце XIX, но прервалось почти до конца века XX. Лучшее описание жизни и деятельности митрополита Филарета дано в обширных трудах И. В. Корсунского, а осмысление его личности – в работах протоиерея Георгия Флоровского. См., например, *Корсунский И.* Святитель Филарет, митрополит Московский: его жизнь и деятельность на московской кафедре (1821–1867). Харьков, 1894; *Георгий Флоровский, прот.* Филарет, митрополит Московский; *Георгий Флоровский, прот.* Вера и культура. Избранные статьи по богословию и философии. СПб., 2002.

В последние годы вышли не только репринтные издания его проповедей и писем, но и новые издания его трудов. Например, Слова и речи в 4 томах. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009; Письма к преподобному Антонию в 3 частях. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.

Проводятся Филаретовские семинары и конференции. Литература о нем настолько обширна, что появился даже термин «филаретика».

Например, см. Библиографический указатель опубликованных трудов святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, и литературы о нем. М., 2005; Летопись жизни и служения святителя Филарета (Дроздова). Т. 1. М., 2009; т. 2. М., 2010; т. 3. М., 2012; *Филарет, митрополит Московский и Коломенский.* Творения. М., 1994; *Иоанн (Снычев), митр.* Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994; *Филарет, митрополит Московский и Коломенский.* Творения. М., 1994; *Яковлев А.* Век Филарета. М., 1998; *Бычков Г.* Святитель Филарет (Дроздов): служение Церкви и Отечеству. Коломна. 2003; *Святитель Филарет, митрополит Московский.* Житие. Избранные проповеди и письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005; *Яковлев А.* Светоч Русской Церкви. Жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. М., 2007; *Хондзинский П., свящ.* Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи. Историко-богословское исследование. М., 2010; *Сегень А.* Филарет Московский. М., 2011; *Святитель Филарет (Дроздов).* Избранные труды. Письма. Воспоминания. М., 2003. *Philaret, Metropolitan of Moscow. 1782–1867. Perspectives on the Man, His Works, and His Times.* Jordanville, 2003. «Филаретов-

ский альманах». Выпуск первый. М., 2004; выпуск второй. М., 2006; выпуск третий. М., 2007; выпуск четвертый. М., 2008; выпуск пятый. М., 2009; выпуск шестой. М., 2010; выпуск седьмой. М., 2011; выпуск восьмой. М., 2012; *Святитель Филарет (Дроздов). О мудрости христианской.* М., 2013.

² Стоит заметить, что в принятой в 2000 году Социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркнут именно такой характер отношений между Церковью и государством: «Церковь сохраняет лояльность государству, но выше требования лояльности стоит Божественная заповедь...» (111, с. 16).

³ Подробнее см.: *Павел Хондзинский, свящ.* О богословии святителя Филарета, митрополита Московского. – *Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды. Письма. Воспоминания.* М., 2003.

Путешественник по святым местам А. Н. Муравьев

В XIX веке в России образованным людям было хорошо известно имя Андрея Муравьева. Его книги, брошюры, статьи по различным вопросам истории Церкви и христианской догматики, его жизнеописания известных деятелей Церкви, а главное – описание его паломничества по святым местам России, Палестины, Греции, Грузии издавались большими тиражами, широко читались, некоторые даже предлагались в качестве обязательного чтения семинаристам и гимназистам. В отечественной литературе он стал первым церковным – не по сану, а по духу – писателем.

В десятилетия господства в России коммунистической идеологии книги и само имя Андрея Муравьева были почти забыты, и лишь с 1990 года его сочинения начинают возвращаться к читателям.

Андрей Николаевич Муравьев родился 30 апреля 1806 года в Москве в семье генерала Н. Н. Муравьева. В семье было шестеро детей: Александр, Николай, Михаил, Андрей, Сергей и Софья, из которых первые четверо вписали свои имена в историю России. Этому способствовали не только их энергия и таланты, но и семейные традиции, продуманное воспитание и сама обстановка дома, в котором они росли.

Отец принадлежал к числу не только родовитых, но и высокообразованных дворян. Н. Н. Муравьев был одним из основателей московского Общества сельского хозяйства, а в 1815 году он организовал новое военно-учебное заведение – Московское училище колонновожатых, позднее переведенное в Санкт-Петербург и послужившее основой для создания Николаевской (в память императора Николая I) Академии генерального штаба. Своим детям он сумел передать такие качества, как честность, верность Отечеству, ответственность за собственные решения и поступки, твердый характер. Мать, Александра Михайловна (урожденная Мордвинова), была вполне образованной и глубоко верующей; она рано умерла, но успела вселить в сердца сыновей горячую любовь к вере и Православной Церкви.

Большое влияние на юного Муравьева имел его наставник Семен Егорович Раич (Амфитеатров, 1792–1855), родной брат митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова). В 1820–1822 годах он жил в доме Н.Н. Муравьева в качестве воспитателя его младшего сына. Поэт,

переводчик, литературный критик, он читал мальчику свои переводы из поэмы средневекового итальянского поэта Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», в которой сочетались элементы античной эпопеи и рыцарской поэмы. Благодаря этому зародилась у Муравьева «мечта о Востоке», колыбели христианства и поле битв в ходе крестовых походов.

А. Н. Муравьев

Житейские дороги братьев Муравьевых поначалу шли рядом. Александр (1792–1863), Михаил (1796–1866) и Николай (1794–1866) накануне Отечественной войны 1812 года поступают в армию, принимают участие в боевых действиях в России и в заграничных походах русской армии 1813–1814 годов. В Европе все трое оказались подверженными влиянию либеральных идей. Семнадцатилетний Николай стал одним из основателей преддекабристских кружков: в 1811 году «Юношеское собрание» и в 1814 году «Священная артель», но вскоре одумался и отошел от всех своих оппозиционно настроенных знакомых. Двадцатичетырехлетний Алек-

сандр, будучи полковником Гвардейского Главного штаба, в 1816 году основывает с единомышленниками «Союз спасения», в 1818 году – «Союз благоденствия», куда приводит и брата Михаила. Целью этих подпольных организаций было совершение государственного переворота, уничтожение самодержавного строя в России и освобождение помещичьих крестьян, средством для чего предлагался вооруженный мятеж гвардейских полков. Братья вскоре осознали опасность заговорщицкой деятельности, могшей вовлечь страну в кровавую смуту, и отошли от движения. Тем не менее после мятежа 14 декабря 1825 года Муравьевы были привлечены к следствию и Александр осужден по VI разряду, приговорен к ссылке в Сибирь. Это не помешало ему позднее успешно продвигаться по административной лестнице: он занимал должности губернатора в Архангельске и Нижнем Новгороде, получил звания генерал-лейтенанта и сенатора. Николай служил на Кавказе, выполнял военно-дипломатические поручения (так, в 1820 году совершил под видом мусульманина отважную поездку в Хиву с разведывательными целями, написал об этом книгу, которая впоследствии была издана на нескольких языках); во время Крымской войны 1853–1856 годов командовал Отдельным кавказским корпусом, руководил взятием турецкой крепости Карс, за что получил почетное прибавление к фамилии – Карский. Михаил перешел на гражданскую службу, в 1857–1861 годах был министром государственных имуществ, в 1863–1864 годах руководил подавлением польского восстания в Северо-Западном крае, за что получил графский титул и прибавление к фамилии – Виленский. Сергей оставался в тени, Софья скончалась девицей в 1826 году, а Андрей нашел свое, особое место в жизни.

Поначалу он увлекся поэзией. Вопреки категорическому настоянию отца поступать на военную службу по примеру старших братьев Андрей Муравьев отдается приливам поэтического вдохновения, подчиняется повелениям не Марса, а Музы. Вспоминая свою юность, писатель объяснял, что не считал «поэзию вещью постороннею, но единственною целью моей жизни, которой совершенно себя посвящу. Как обманываются те, которые гонят меня, полагая, что я ее оставляю; неужели они думают, что променяю будущую славу и утешение всей моей жизни на какой-нибудь чин? Их ослепило земное!».

В 1823–1835 годах Андрей Муравьев ощущает себя поэтом, пишет стихи, поэмы, стихотворные драмы. В первом поэтическом сборнике «Таврида» проявилось романтическое увлечение автора природой и русской историей. Позднее он пишет драму «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине», задумывает грандиозную поэму «Потоп» – и в этом видны как влияние Раича, так и пробудившийся интерес к церковным и библейским сюжетам. В 1820-е годы русское дворянское общество переживало период увлечения разными мистическими учениями, начался перевод Библии на современный русский язык (оборванный в 1824 году на три с лишним десятилетия), библейские темы притягивают поэтов – все это сыграло свою роль в определении круга интересов молодого человека.

По своему рождению и по талантам Андрей Муравьев сразу оказался среди блестящей аристократической молодежи. Впрочем, известный своим злоязычием князь П. В. Долгоруков, будущий эмигрант, признавая достоинства Муравьева, называл его «известным интриганом», склонным вмешиваться в чужие дела и заслужившим прозвище Андрей Незванный.

О стихах молодого красавца Муравьева с одобрением отзываются А. С. Пушкин и П. А. Вяземский, он входит в московский кружок «любомудров», принят в салоне княгини Зинаиды Волконской. Но случались у него и досадные неудачи. В один из весенних дней 1827 года высокий и плечистый Муравьев в салоне Волконской случайно задел и повредил статую Аполлона. Свою промашку он по-светски обернул в шутку, тут же написал экспромт: «О Аполлон! Поклонник твой хотел помериться с тобой...». Однако, когда случай стал известным, Пушкин написал язвительную эпиграмму: «Ты, соперник Аполлона, Бельведерский Митрофан». Оскорбительными были и тон, и намек на отсутствие формального образования. Имя героя фонвизинской комедии воспринималось как синоним глупца. Причина дерзости в этом кругу

была известна: поэт страшился предсказанной ему гадалкой гибели от руки «высокого белокурого красавца» и решил испытать судьбу, ведь эпитаграмма была явным поводом к дуэли. К счастью, дело обошлось без поединка.

В то время принято было молодым дворянам служить в армии. Андрей Муравьев после некоторых колебаний поступил на военную службу в 1823 году, начав ее юнкером 34-го егерского полка Второй армии, расквартированной на Украине. По дороге к месту назначения семнадцатилетний юноша едва не утонул при переправе через разлившийся Днепр. В этом испытании и в чудесном спасении он увидел явный промысел Божий. Киево-Печерская Лавра со всеми ее святынями и сам дивный Киев, раскинувшийся на зеленых холмах над широкой рекой, произвели такое сильное впечатление на Муравьева, что он решил при первой возможности навсегда поселиться здесь – и в конце жизни смог выполнить свое решение. В те годы, по воспоминаниям современника, Муравьев «был исполинского роста и приятной наружности. При всей набожности своей он был нрава веселого, сердца доброго, обходителен и любим всеми товарищами, хотя постоянно удалялся от веселых компаний. Он в жизни был весьма воздержан, не пил ни капли никакого вина, любил порядок, чистоту, лошадей и верховую езду. Он тогда уже усердно занимался литературой...».

В 1828–1829 годах Муравьев участвовал в русско-турецкой войне. Но и на театре военных действий он ощущает себя поэтом, задумывает цикл исторических трагедий из русской истории: «Князья Тверские в Золотой Орде», «Святополк», «Василько», «Андрей Боголюбский», «Сеча на Калке». Поэзия и театр – эти две темы занимали его много больше, чем служба. В армии он подружился со своим ровесником, поэтом Алексеем Хомяковым, и речь у них шла только о литературе. Наконец прапорщик Муравьев решает перейти на гражданскую службу.

После сдачи экзамена в Московском университете он был определен в Министерство иностранных дел и причислен к канцелярии главнокомандующего Второй армией фельдмаршала П. Х. Витгенштейна.

По окончании боевых действий, вместо возвращения в Петербург, Андрей Муравьев неожиданно для его окружения, но с высочайшего разрешения в октябре 1829 года отправляется в паломничество в Палестину. Накануне отъезда он написал брату Николаю: «Не стану оправдывать или изъяснять пред тобою своего предприятия, ибо ты сам набожен; скажу только, что хотя не давал никогда торжественного обета, но с тех пор, как начал себя чувствовать, дал себе обещание посетить Гроб Господень, но не в той надежде, что там единственно обрету спасение, но из сердечного умиления, из чувства признательности к воплотившемуся Богу!».

В те годы такое путешествие по диким и пустынным местам Османской империи было непростым, зачастую опасным. Воинственные бедуины часто нападали на паломников, тяжелы были бытовые условия. Только весной 1830 года, накануне Пасхи, Муравьев добрался до Святой земли. Он провел в Иерусалиме три недели, успел обойти все храмы и монастыри старого города и его ближайшие окрестности, где ступали Спаситель с апостолами: Гефсиманию, Вифанию, реку Иордан, на берегу которой, по словам самого Муравьева, «каждый стремился погрузиться в священные волны, каждый спешил зачерпнуть немного воды в принесенные меха и сосуды, и взять камень из середины реки, и срезать себе длинный тростник или ветвь ракиты на память Иордана...». Через Иорданскую пустыню Муравьев достиг Мертвого моря – еловом, повидал немало. Если бы тем дело и ограничилось, Андрей Николаевич стал бы одним из немногих в те годы русских паломников, но желание разделить с другими свою радость и поэтический талант подвигли его на описание своих странствий.

Путешествие в Палестину оказалось решающим этапом в жизни Муравьева. Судьба его определилась: отныне и до конца своих дней он служил Православной Церкви, хотя сам оставался в миру и продолжал вести светский образ жизни. Обозревая впоследствии свою жизнь, он писал: «...эта минута была самая решительная в моей жизни; в то мгновение не рассуждал я ни о чем и как бы внезапно посвятил себя и данный мне талант священной цели сего стран-

ствия, без всякого мудрования или каких-либо видов. Щедрою рукою вознаградил меня Господь, ибо все, что я ни приобрел впоследствии как в духовном, так и в вещественном, истекло для меня единственно из Иерусалима...».

Закончив в Москве написание первого варианта книги, Муравьев отправился на Троицкое подворье к митрополиту Филарету (Дроздову). Их познакомила в 1826 году духовная дочь владыки Е. В. Новосильцева, но тогда молодой аристократ был несколько обескуражен сдержанно-суховатым приемом. Вторая их встреча оказалась удачнее, и знакомство их утвердилось на долгие годы. Святитель Филарет, чрезвычайно загруженный делами своей епархии и присылаемыми из Святейшего Синода, а также иными обязанностями, поначалу отказался от просмотра рукописи, но Муравьев его упросил. Кроме митрополита, рукопись побывала в руках у В. А. Жуковского и цензора О. И. Сенковского, известного арабиста. Замечания и правка богослова, поэта и востоковеда способствовали большей точности описаний и красочности выражений. Книга «Путешествие по Святым местам в 1830 году» вышла в свет в 1832 году и сразу имела большой и шумный успех. Отныне и на всю оставшуюся жизнь Андрей Николаевич Муравьев стал *Путешественником по святым местам*.

Среди многих путевых заметок по Ближнему Востоку и описаний паломничества, оставленных русскими писателями и литераторами, эта книга до сих пор выделяется искренностью чувства, живостью стиля и красочностью описаний. Вот рассказ о прощании Муравьева с Иерусалимом: «Наступил день отъезда, и с сжатым сердцем пошел я рано утром в Гефсиманию слушать литургию над гробом Богоматери, где я так радостно молился в день Благовещения; но хотя я собирался в отечество, невозвратимая потеря святыниц палестинских раздирала мне душу. В последний раз перешел я обратно поток у горы Масличной, в последний раз прошел крестною стезею по Иерусалиму. Покамест все укладывали в моей келии, я ходил прощаться с духовенством; Наместник благословил меня в путь и, надев мне на шею малый крест на серебряной цепи с частицею Животворящего Древа, сказал: “Отныне будьте рыцарем Святого Гроба”.

Я просил отворить храм Воскресения. И там ожидали меня прощание с игуменом и братиею... но самое горькое было с великим Гробом. Я целовал его на вечную разлуку, как давнего друга, которого обнять из столь далеких краев устремился. Но я однажды достиг его, и отселе уже другая цель звала меня – Отчизна! На Голгофе, прикинув челом и устами к месту водружения Креста, молился я о моем счастливом возвращении и еще раз слышал Евангелие Креста над престолом страсти. Трудно было расстаться с сими залогоми нашего спасения по чувству земной к ним любви и по слабости человеческой, которая невольно предпочитает для молитвы поприще священных событий, как бы ожидая на оном особенного внимания неба за одно лишь усердие потрудившейся плоти...

Уже все было готово; вьючные лошаки и конь мой ожидали меня во вратах Яффы вместе со стражем арабским, которого дал мне Мусселим до Наблуса с письмом к градоначальнику. Некоторые из монахов греческих и все поклонники русские обоюга пола провожали меня за городские ворота, где со многими слезами и целованиями мы расстались. Я возвращался на родину, они – в Иерусалим; но у них и у меня разрывалось сердце, как будто бы каждый из нас следовал не своей избранной цели и готов был взаимно поменяться ею. В таком странном борении чувств, совершенно противоположных, вспомнил я, какая горькая участь ожидала сих поклонников под игом арабским, посреди нищеты и гонений, и подивился силе их духа и смирению, с каким они обрекли себя служению святыне, заживо погребаясь в чужбине, хотя много близкого их сердцу оставалось на родине, ибо каждый, наделив меня письмами, просил сказать своим, что он еще жив и за них молится... Одиноким, низко поклонился я Святому граду, и быстро умчал меня конь из его очарований!».

Появление книги Муравьева стало важным событием в истории русской литературы. Она первая познакомила русское общество с палестинскими святынями, она возбудила охоту к

духовному чтению, возродила побуждение к религиозному восприятию мира. Книгой зачитывались и в петербургских салонах, и в духовных семинариях. Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский вспоминал, какое громадное впечатление произвела на семинаристов эта книга: «... мы не спали ночь, пока не прочли всю ее». «С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г-на Муравьева, – писал А. С. Пушкин в подготовленной к печати рецензии. – ... Молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя...». Книга переиздавалась в 1833, 1835, 1836, 1837 годах.

Сейчас даже не совсем понятно, в чем состояла новизна книги Муравьева, поразившая его современников. Но следует учесть обстоятельства той эпохи: заметное охлаждение к вере предков образованного и сильно европеизированного дворянства, начавшееся со времен петровской вестернизации; отчасти и подчинение Петром I Церкви государству путем отмены патриаршества и создания взамен Святейшего Синода; сыграло свою роль и господство в немалой части русского дворянства преклонения перед передовой Европой, бездумное заимствование европейских идеалов, ценностей, взглядов разного толка – до мистицизма и масонства, распространение различных сект и идей католицизма.

Например, в России была запрещена книга маркиза А. де Кюстина, описавшего свое путешествие по стране «грубых и лживых варваров», но ее можно было встретить во многих дворянских домах. Высокомерный француз описывал русских как боязливых перед властью рабов: «Крестное знамение – не доказательство благочестия; поэтому мне кажется, что, несмотря на стояние на коленях и все внешние проявления набожности, в своих молитвах русские обращаются не столько к Богу, сколько к императору»; в частом осенении себя крестным знаменем он увидел «не столько благочестие, сколько привычку»; при виде Покровского собора (храма Василия Блаженного) де Кюстин воскликнул: «Люди, которые приходят поклониться Богу в эту конфетную коробку, – не христиане!». Все прочие церкви в Москве он нашел «мрачными», «это раскрашенные тюрьмы», иконы счел «безвкусными фресками», выполненными в «однообразной и грубоватой манере», и пожалел, что «в сии святилища благочестия закрыт доступ лишь творениям превосходным». Выводы ревностного католика-маркиза были решительны и тверды: «Всякая национальная Церковь – плод раскола и, следовательно, лишена независимости... Церкви схизматические и еретические, исповедующие национальные религии, уступят место Католической Церкви, религии рода человеческого...».

Таким образом, книга Муравьева имела не только познавательное значение – она противостояла недоброжелательным писаниям иностранцев и помогала русскому обществу осознать себя православными христианами, частью Вселенской Церкви. Стоит заметить, что в те годы и интерес к Святой Земле у русского дворянства зарождался не благодаря русской духовной литературе, а под влиянием западной литературы, книг Т. Тассо и Ф. Шатобриана. Муравьев, отмечал Н. Н. Лисовой, «был первым, кто научил русское [дворянское] общество говорить и мыслить о Церкви, о христианстве по-русски».

После поднесения «Путешествия» императору Николаю I Андрей Николаевич в 1833 году был определен на должность обер-секретаря в Святейший Синод. Его служба в органе верховного управления текущими делами Русской Церкви отнимала много времени, но из-под пера Муравьева в 1836–1842 годах выходили все новые и новые книги: «Путешествие по святым местам русским», «Письма о Богослужении Восточной Церкви», «Изложение символа веры Православной Восточной Кафолической Церкви», «История Российской Церкви», «Письма о спасении мира Сыном Божиим», «Первые четыре века христианства», «О литургии», «Правда Вселенской Церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах», «Священная история» – и это далеко не полный перечень. Некоторые из этих книг были написаны по пред-

ложению Духовно-учебного управления Святейшего Синода и вскоре были признаны Министерством народного просвещения в качестве учебников. Заслуги Муравьева перед русской литературой были оценены, и в 1836 году он был избран членом Российской академии.

В предисловии ко второму своему «Путешествию» А. Н. Муравьев писал: «Сие краткое описание некоторых обителей русских может отчасти служить продолжением моему путешествию по Святым местам, потому что в Палестине во мне возникло желание посетить их. Помню, как смутили меня иноки Иерусалимские, когда во время заключения в храме Святого Гроба, они начали спрашивать у меюя о Троицкой Лавре, и я должен был им признаться, что хотя родился в Москве, но никогда не видел сей родственной святыни, близкой сердцу каждого русского и знаменитой по всем странам. Тогда же дал я обещание сходить в Лавру по возвращении в Отечество и уже имел случай дважды ее посетить». Книга включала в себя описание истории и впечатлений автора от Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, Ростова Великого, Нового Иерусалима, монастырей и соборов Московского Кремля, святынь древнего Киева и Великого Новгорода. В новое издание автор включил описание посещения цесаревичем Александром Николаевичем, будущим Царем Освободителем, московских святынь в 1837 году.

В своих служебных обязанностях А. Н. Муравьев ревностно отстаивал интересы Церкви, подчас вступая в конфликты с «оком государевым». Так, при его участии был смещен Николаем I обер-прокурор С. Д. Нечаев, открыто ущемлявший права архиереев в Святейшем Синоде. Но на освободившийся пост император назначил не Муравьева, по мнению многих, наиболее подготовленного кандидата, а графа Н. А. Протасова, который еще более усилил централизованный контроль государства над церковной жизнью.

Известно было, что Муравьев сам претендовал на пост обер-прокурора, но не только из честолюбия, а из желания уничтожить эту должность и вернуть Русскую Церковь к каноническому патриаршему управлению. Будущим Патриархом он, как и многие в России, видел митрополита Московского.

Впрочем, своими пламенными порывами он нередко заставлял святителя Филарета роптать: «Вчерашний вечер подал мне случай к утешительному размышлению, что враги меньше могут вредить человеку, нежели друзья, – с немалой иронией писал он Муравьеву 15 марта 1837 года, после их долгого разговора во время болезни митрополита. – Найдет ли враг случай, изобретет ли план задушить человека долгим разговором во время болезни горла? А для друга это возможно».

Сам же святитель Филарет частенько удерживал не в меру горячего и порывистого Муравьева от скоропалительных решений и терпел его упреки, замечания, понукания, снисходительно переводя это в шутку, ибо высоко ценил искренность его служения делу Церкви.

Так, в письме от 12 августа 1835 года митрополит Филарет, в частности, пишет А. Н. Муравьеву: «Относительно ректора академии Поликарпа вы обвиняете меня в послаблении, а другие почитают меня гонителем его. Укажите мне дорогу между сими крайностями – я тотчас пойду по ней, но и тут надобно прибавить: если позволят».

Из воспоминаний современников известно, что требование Муравьева об удалении архимандрита Поликарпа (Гайтанникова) было порождено следующим случаем. В один из своих приездов в Троицкую Лавру Муравьев гулял по окрестностям и увидел ректора Духовной Академии с несколькими профессорами на берегу пруда с удочками в руках. Завязался шуточный разговор, в котором Муравьев невпопад сказал какой-то текст, приписав его апостолу. «А какой апостол это сказал?» – с улыбкой спросил ученый монах. «Апостол Муравьев так говорит!» – с досадою ответил Андрей Николаевич. «А таких апостолов недавно вешали», – со смехом возразил архимандрит Поликарп, намекая на казнь декабриста Сергея Муравьева-Апостола. Муравьев был взбешен этой шуткою и добился-таки своего: архимандрита Поликарпа сняли с поста ректора.

Масштабы деятельности А. Н. Муравьева в Святейшем Синоде выходили за рамки границ России. Его путешествия на Восток сблизили его с главами православных Поместных Церквей, которые нашли в нем постоянного и усердного ходатая обо всех нуждах бедствующих под турецким игом единоверцев. Муравьева почтили титулом епитропа (попечителя) патриарших престолов. Благодаря его хлопотам и усилиям в Москве были устроены Антиохийское, Александрийское и Иерусалимское подворья; на Афоне был создан новый русский скит во имя святого Андрея Первозванного, ктитором которого стал Муравьев. Он организовал сбор подаваний для восстановления из развалин великолепной базилики в Мирах Ликийских, где ныне покоятся мощи святителя и чудотворца Николая.

В самой России Путешественник стал восприниматься как главный эксперт по всем вопросам Христианских Церквей на Востоке, и в его консультациях нуждались и Синод, и МИД, и Зимний дворец. Вероятно, что именно Муравьев дал представление митрополиту Филарету о ближневосточных церковных проблемах, и его советами пользовался святитель при решении некоторых конкретных вопросов. Например, в декабре 1859 года митрополит рекомендует обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому перевести архимандрита Антонина (Капустина) на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе; тогда же он посоветовал Синоду оставить попытки вмешательства в дела Константинопольской

Церкви, которая ревниво оберегала свое первенство и не терпела никакого вмешательства других единоверных Церквей в ее дела; в ноябре 1867 года, незадолго до своей кончины, митрополит Филарет не согласился с предложением Патриарха Константинопольского Григория VI об установлении межцерковных связей без посредничества правительства. Можно предположить, что более осторожная позиция московского святителя была вызвана не только его преклонным возрастом и известной осторожностью, но также и советами А. Н. Муравьева. Подобно своим братьям, Андрей Николаевич был убежденным консерватором, в отличие от архимандрита Антонина (Капустина), который в своих предложениях по контактам с восточными Церквями выступал за перемены, за большую гибкость и за решительный возврат к древлеотеческому Православию путем освобождения от последующих вековых «наслоений».

В то время представление о Муравьеве, равно как и о митрополите Филарете, как «чистых охранителях» существующих церковных порядков есть явное упрощение их взглядов и подходов. В царствование Александра II, с началом эпохи Великих реформ, когда открылись возможности для проведения благодетельных перемен, Муравьев пишет в 1856 и 1857 годах две записки. Он указывает на «стеснительное положение» синодальной системы и «засилие светской власти», говорит о формализме и бедности приходского духовенства, о бюрократическом духе в архиерейском и консисторском управлении церковной жизнью. Он предлагает власти допустить некоторую свободу и самостоятельность в Церкви, что, по его мнению, необходимо как по мотивам каноническим, так и по практическим соображениям.

Московский митрополит, которому Муравьев, конечно же, послал копии своих записок, согласился с его оценками, но нашел его предложения слишком резкими и поспешными. Святитель был сторонником малых перемен, пусть негромких, но реально полезных, которые могла бы провести сама Церковь. Муравьев же все-таки был сторонним человеком, желавшим не подлинной соборности, а сохранения зависимости Церкви от государства, полагал, что именно государство должно реформировать Церковь.

Тем не менее существовала еще одна черта, сближавшая взгляды двух церковных деятелей по вопросам восточных Церквей, – имперский дух. «Мы очень быстро забыли, что мы ведь только часть всего общества верующих, и отождествили себя со всей вселенской Церковью, – писал позднее архимандрит Киприан (Керн), – забыв о том, что на Востоке находятся престолы апостольские, хранители древних отеческих преданий, и что только соборное единение нас всех составляет вселенскую полноту Церкви». Но полтора столетия назад политическое бесправие восточных Церквей под гнетом Османской власти незаметно стало восприниматься в

России как просто слабость. И при направлении в Иерусалим в 1858 году представителя Русской Церкви не было даже попытки оповестить об этом Патриарха Иерусалимского, жившего в Константинополе, а это – явное нарушение церковных канонов. В 1865 году в возникшем открытом конфликте с Патриархом митрополит Филарет решительно защищал престиж России, не сделав уступок Патриарху Иерусалимскому.

По делам Восточных Церквей А. Н. Муравьев, как неофициальный представитель Русской Церкви и русского правительства, вел обширную переписку с патриархами и другими греческими святителями. От них он получил в дары многие великие святыни. Из всех своих путешествий Андрей Николаевич привозил множество памятных вещей и древностей, которые он положил в основу своей знаменитой коллекции, а большей частью раздарил.

Стоит напомнить, что по его настоянию в Петербург из Фив были привезены две статуи сфинксов, установленные в 1834 году на набережной напротив Академии художеств. В его коллекцию входило итальянское деревянное распятие XVI века, Константинопольская икона Божией Матери из слоновой кости, древний складень из Лавры святого Саввы и еще десятки икон. Он получил в дар несколько частиц от Гроба Господня, от скалы Голгофской и камень от гроба Богородицы в Гефсимании. Бережно хранились им также камни из Иордана, кусок мрамора от престола древнего христианского храма в Пицунде, где проповедовал апостол Андрей Первозванный, подаренное митрополитом Филаретом рукописное Евангелие старорусского письма и другие драгоценные редкости.

Нельзя не сказать и о такой стороне деятельности Муравьева, как его полемика с Римом в 1841–1846 и 1853–1856 годах. Политико-религиозные споры в те годы развернулись по всей Европе. Между Муравьевым и католическим богословом из Страсбурга Луи Ботеном завязывается переписка о возможности воссоединения Церквей. В письме от 4 сентября 1836 года Муравьев пишет: «Люди вроде меня только жалеют об этой фатальной разъединенности Церкви», а в последующих письмах сожалеет, что Римская Церковь, занятая борьбой с протестантизмом, «совсем потеряла из виду свою восточную сестру». В 1845 году русский путешественник предпринимает путешествие в Рим с полуофициальной миссией: подготовка визита императора Николая I. Но было и иное основание: изучение причин перехода русских аристократов в католицизм (граф Г. П. Шувалов, княгиня З. А. Волконская, графиня С. П. Свечина, князь Ф. Голицын, князь И. С. Гагарин и др.). В «Римских письмах» он пишет об этих людях с горечью: «Вместо того чтобы обратиться к коренному православному учению отцов своих... они, по искаженному воспитанию, которое от самой колыбели сделало для них чуждым все отечественное, бросаются с отверстыми объятиями к тому, что кажется доступнее их понятию». (Справедливости ради отметим, что сам И. С. Гагарин позднее с иронией вспоминал пылкую, но показавшуюся ему наивной апологетику Путешественника: «Меня не иезуиты обратили. Начало положил Петр Яковлевич Чаадаев на Басманной в 1835 или 1836 году, а дело довершил Андрей Николаевич Муравьев своею «Правдою Вселенской Церкви»). Муравьев сурово критикует католическую религиозность, различные проявления которой он увидел в римских храмах: система индульгенций, молитвы в пустых храмах, сокращенный чин литургии, совершаемой на непонятной для большинства латыни, «тайная месса», которая продолжается не более десяти минут. «Я посмотрел бы, – пишет Муравьев, – если бы ревностные римляне или новообращенные выстояли на ногах, а не сидя трехчасовую или двухчасовую обедню, пошли бы они еще про себя молиться в пустом храме?».

В январе 1848 года папа Пий IX направил восточным христианам послание с призывом покончить с разделением Церквей и «вернуться к Риму». «Кто сделал так, что вам не удалось сохранить древнего единства ни в учении, ни в священноначалии не только с западными Церквями, но и между вами самими?» – задавал папа риторический вопрос. В мае 1848 года специально созванный совет четырех православных патриархов и 29 восточных епископов издал свой ответ Риму. В нем не только отвергается попытка папы «присвоить себе Церковь как соб-

ственное достояние», но и дается ответ на обвинения в цезарепапизме (главенстве русского императора над Церковью): «Хранитель благочестия... у нас есть самое тело Церкви, то есть самый народ».

Однако за спорами о канонических вопросах или о контроле над Святыми местами в Палестине для Рима на первом плане оставались вопросы политические: отношения католического Запада и православного Востока. Муравьев оказался в центре разгоравшейся полемики. В 1852 году он издает брошюру «Слово кафолического православия Римскому католичеству», позднее появляются ее переводы на греческий, польский и французский языки. Апологетика Православия тут же вызвала резкую отповедь в Риме: в католических журналах появляется серия статей против «врагов католичества», папа призывает русского иезуита И. С. Гагарина представить свой «ответ против греко-русов». Папский нунций в Вене кардинал Микеле Виале-Прела откровенно признавал: «К сожалению, Россия – самый главный враг Католической Церкви». В этой идейной борьбе, продолжавшейся в период Восточной войны 1853–1856 годов, мирянин, чиновник не самых больших чинов Муравьев оказался выразителем официальной позиции православной Церкви по всему комплексу вопросов церковной жизни. «Но доколе Римская [церковь], несмотря на все свои отступления от канонов, будет самонадеянно утверждать, что нет спасения иначе, как под сенью ее патриарха, – твердо заявлял Муравьев в финале своей работы, – Восточная сестра ее, исполненная чувством своего Православия, будет только сокрушаться о таком ожесточении и смиренно молить Отца светов, дабы... просветил и соединил опять воедино всю Кафолическую церковь, искупленную кровью единокровного Его Сына».

Спустя несколько лет, в мае 1859 года, известный прусский чиновник барон Август фон Гакстгаузен, совершивший ранее путешествие по России, направляет митрополиту Московскому Филарету письмо с предложением войти в общение с Обществом молитв о воссоединении Церквей, основанным немецкими католическими епископами. Гакстгаузен во время поездок по русской земле был поражен красотой православного богослужения, глубокой духовностью и даже «демократичностью» Православия. Особенно поразило ревностного монархиста и пламенного католика то, что Русская Церковь осталась незатронутой западным рационализмом. Обращаясь к московскому святителю, Гакстгаузен вопрошал: «Не велит и Святейший Синод также возносить особые молитвы по всей России, дабы милостью Господней наше разделение прекратилось?». Ответ пришел из Киева от Муравьева после его переписки с митрополитом Филаретом. Святитель написал ему, что Православная Церковь молится о соединении с нею неправославных Церквей в литургии оглашенных, ибо «неправославные самим неправославием отлучили себя от общения» при Таинстве Евхаристии, и заключил: «Не стесняйте же христианской любви Православной Церкви и не утверждайте, что она не молится об соединении Римской Церкви».

Не впуская пропали усилия пламенного полемиста, заработавшего в Европе славу «главного защитника Русской Церкви и давнего врага Церкви Католической». В эти годы на Западе возрастает интерес к незамечаемой ранее Православной Церкви, одним из показателей которого во Франции стал переход в Православие католического священника Владимира (Рене-Франсуа) Геттэ, тут же запрещенного в служении, а книги его были внесены в Индекс запрещенных книг. Кстати, и барона Гакстгаузена в Риме заподозрили... Папский нунций в Мюнхене Флавио Киджи предупреждал: «Есть все основания полагать, что он – русский агент или, по меньшей мере, инструмент в делах русских».

Путешественник справедливо считал себя преимущественно церковным писателем, его драматические произведения не имели успеха у публики. Однако все же Муравьев оказал важную услугу русской литературе... своим отсутствием. В один зимний день, 18 февраля 1837 года, на квартиру к Муравьеву зашел его знакомый, поручик М. Ю. Лермонтов, надеявшийся на помощь влиятельного сановника в публикации своего стихотворения на смерть Пушкина.

Хозяина не было дома. Лермонтов в ожидании зашел в образную, где увидел между икон ваии – плетеные пальмы, употребляемые в Иерусалиме при крестных ходах на празднике Входа Господня в Иерусалим (на Вербное воскресенье). Он так и не дождался Муравьева в тот день и ушел, оставив на столе исписанный лист бумаги. То были дивные стихи «Ветка Палестины»:

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?..

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

В 1840 году выходит новая книга Муравьева «Первые четыре века христианства». Это не столько научный труд, сколько сердечно и проникновенно написанная православным человеком повесть о Матери-Церкви, о том, как возникла она в 33 году, как пережила жесточайшие гонения и смуты ересей, как вызвала к жизни сонмы мучеников за веру и великих апологетов – защитников веры, мудрых богословов и пламенных проповедников. Стоит заметить, что в своей работе Муравьев, конечно же, использовал различные труды Отцов Церкви и исследования по истории Церкви, однако его книга не подавляет ученостью, она написана живо, простым и ясным языком.

В 1842 году Андрей Николаевич подает в отставку и оставляет Святейший Синод. Причиной тому послужило удаление из Синода митрополита Филарета (Дроздова) из-за возросших разногласий с обер-прокурором Н.А. Протасовым. Тем не менее Муравьев остался на государственной службе, он был причислен к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, что было не слишком обременительно и оставляло ему довольно времени на написание книг.

Муравьев писал много и быстро. По воспоминаниям профессора П. С. Казанского, на сделанное им замечание о встречающихся неточностях Андрей Николаевич ответил: «Вы с вашими требованиями пять лет просидите над сочинением, и в десять лет разве сто человек прочитают их и после уже оценят их достоинство. Я напишу это в пять месяцев и, скорее, мою книгу станут тотчас читать; знаю, что через десять лет ее забудут, но она сделала свое дело».

Судьба его сочинений не была вовсе безоблачной. В письме к своему духовному наставнику митрополиту Филарету в марте 1851 года он отмечает, что в обществе «расположение к духовному чтению падает», и жалуется, что его книга «Письма с Востока» не расходуется. Нелегкой оказалась и жизнь Путешественника. Самолюбивый и вспыльчивый характер Андрея Николаевича был труден для окружающих, может быть, поэтому он не женился, остался одинок. В высшем обществе, к которому он принадлежал по праву рождения, его недолюбливали. В духовной среде его уважали, но побаивались и относились настороженно.

Не вовсе безоблачными были и его отношения с митрополитом Филаретом, подчас терпеливо сносившим его упреки и неизменно наставлявшим его, подававшим советы. «Вспомнилось мне слово Ваше в одном из прежних писем Ваших: буду молчать. Хорошо молчание с кротостью и смирением; хорошо и слово с любовью к добру и ревностью к правде», – писал святитель 26 ноября 1852 года. «Кажется, довольно дела христианину, чтобы исследовать глубины и пути своего сердца, помыслов, желаний и дел и устроить силою благодати Божией Царство Божие внутри себя» – из письма от 2 февраля 1854 года.

В 1859 году Муравьев поселился в Киеве, который давно манил его. Деятельная натура его не могла успокоиться одним литературным трудом. По его инициативе в Киеве было учреждено Свято-Владимирское братство, целью которого стало утверждение Православия в народе, особенно среди поляков и евреев. Благодаря его настойчивым стараниям в 1861 году был возобновлен знаменитый ранее крестный ход в день памяти святого равноапостольного великого князя Владимира на место Крещения Руси, сама Крещатицкая часовня была очищена и украшена. Он стал ктиторм великолепного Андреевского храма, построенного в память его святого – апостола Андрея Первозванного. В феврале 1867 года он посылает митрополиту Филарету текст составленного им акафиста святому Андрею, и в том же году акафист выходит отдельной книгой. Андреевский храм он не только украшает, но и буквально спасает: когда стены церкви пошли трещинами от сырости (из-за ключей, вытекавших из горы под храмом), Муравьев использовал свои связи в Петербурге для выделения средств на отведение ключей и укрепление фундамента церкви каменными сводами. В нижней части Андреевского храма им была устроена часовня во имя преподобного Сергия Радонежского как память о великой святыне Руси и о своем духовном наставнике, настоятеле Свято-Троицкой Сергиевой Лавры митрополите Филарете (Дроздове).

В том же 1867 году, 19 ноября, скончался святитель Филарет. На его смерть откликнулось много священнослужителей и мирян, но наиболее проникновенным и ярким оказалось слово А. Н. Муравьева: «Одного лишь человека не стало в мире, и едва ли целое поколение может наполнить собою эту пустоту! Водворяется некое таинственное безмолвие, как бы в ожидании новых, подобных сему громовых ударов, и наипаче внимательна Церковь к такому безмолвию, ибо сдвинут со свещника ярко горевший ее светильник, во свете коего она еще надеялась утешаться многие годы, самая продолжительность времени его сияния заставляла забыть, что он может когда-либо погаснуть... Тяжко пало на душу чувство нашего сиротства при оскудении сего света в темную годину вещественного брожения умов...». Статья была напечатана в журнале «Православное обозрение» без указания имени Муравьева.

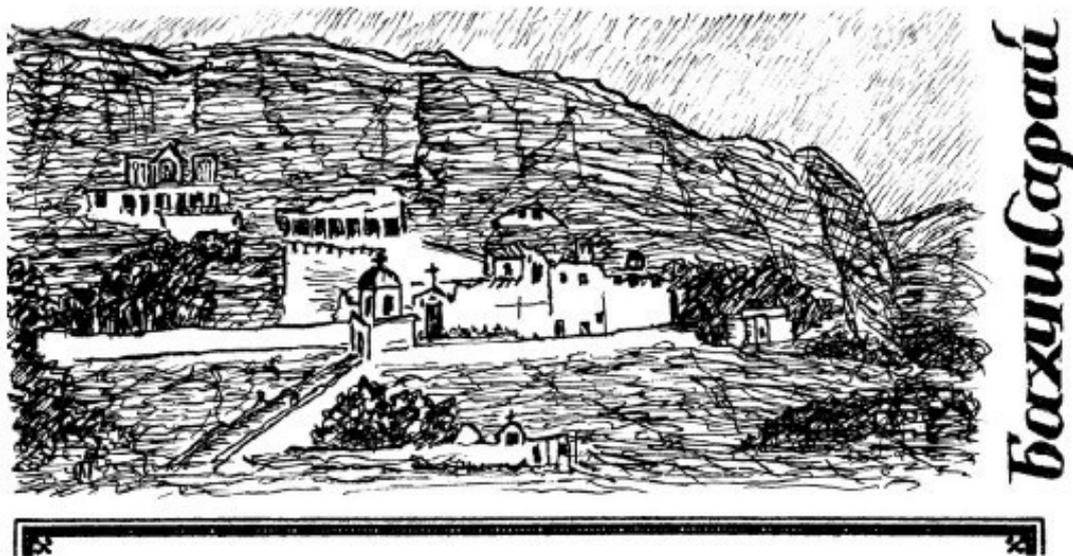
Достойна уважения скромность признанного автора. Он был искренен, видя главное свое дело не в художественности своих сочинений, а в миссионерстве, просветительстве ради утверждения Православия. И его труды пережили его.

Да, много, много испытаний
Ты перенес и одолел...
Живи ж не в суетном сознаньи
Заслуг своих и добрых дел;
Но для любви, но для примера,
Да убеждаются тобой,
Что может действенная вера
И мысли неизменный строй.

Ф.И. Тютчев. Андрею Николаевичу Муравьеву. 1869

Андрей Николаевич скончался в Киеве в 1874 году и был похоронен в созданной им часовне преподобного Сергия Радонежского. Различные его книги издавались в разных русских городах почти ежегодно до 1917 года, а ныне пришли к современному читателю.

Служитель Слова Божия Святитель Иннокентий (Борисов)

Святитель Иннокентий (Борисов) еще при жизни, в первой половине XIX века, получил широкую известность как выдающийся церковный проповедник и богослов, пользовался почитанием в качестве церковного деятеля, заслужил искреннее уважение самоотверженным служением в годы Крымской войны. Современники называли его гениальным. Прошло более полутора веков, но и ныне мы обращаемся к его трудам, которые в немалой своей части сохранили и важность, и интерес для современного читателя.

Святитель Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) родился 15 декабря 1800 года в семье священника, в городе Ельце Орловской губернии, в самом сердце Великороссии, в крае, который позднее стал родиной великих русских писателей Тургенева, Лескова и Бунина.

Семья была бедной. Отец, священник Алексей Борисов, сам не имел школьного образования, учился самоучкой. Мать будущего святителя Акулина Гавриловна, неграмотная и простодушная, обладала важнейшим достоинством – непоколебимой верой в Бога. Мальчик рос в атмосфере искренней и глубокой набожности. Он очень любил слушать проповеди отца и, по возвращении из храма, просил разъяснить непонятные места.

Иван родился хилым, был слаб и болезнен, но оказался очень способным. Он рано овладел грамотой и принялся за чтение книг из отцовской библиотеки. По окончании в 1819 году Воронежской духовной семинарии Иван Борисов продолжил обучение в стенах Киевской Духовной Академии, только что созданной в том году. Уже в стенах академии раскрылись таланты будущего святителя и проявились его разнообразные интересы, охватывавшие широкий круг проблем богословия и естествознания. Известным стало его курсовое сочинение «О нравственном характере Иисуса Христа», прочитанное им публично на выпускном акте.

В те годы во главе Киевской епархии стоял митрополит Евгений (Болховитинов), широко образованный человек, внесший вклад не только в церковную, но и культурную жизнь России. Он проявлял глубокий интерес к научному знанию, был автором многочисленных трудов по истории Русской Церкви и Древней Руси, работ филологических, географических, этногра-

фических, составил описания многих русских монашеских обителей и знаменитый «Словарь российских светских писателей».

Назначенный в Киев в 1822 году, владыка Евгений постоянно уделял большое внимание духовному образованию, прежде всего подведомственным ему духовным школам – семинарии и академии. Надо заметить, что богословия он не любил, уделял ему мало внимания и сдержанно относился к собственно богословским исследованиям.

Святитель Иннокентий (Борисов)

Представляется, что труды киевского митрополита и весь его образ жизни имели немалое значение для формирования личности будущего святителя Иннокентия. Пылкий юноша, конечно же, был увлечен неутомимой деятельностью владыки Евгения, проявлявшейся не только в его проповедях и печатных трудах, но и в археологических раскопках в Киеве, в результате которых были обнаружены фундаменты древнейшей Десятинной церкви, Золотых ворот и иных памятников древности. Очевидно сходство двух личностей и образов их деятельности: оба обладали живым и ясным умом, оба были открыты ко всему новому, оба совершили немало важного в разных сферах умственной деятельности. Существенно и отличие: митрополит Евгений был скорее исследователем, чем монахом, скорее историком-гуманитарием, чем богословом. Владыку Иннокентия искренне привлекал монашеский идеал, он тоже увлекался философией и другими науками, но также изучал видных западных проповедников Масильона и Боссюэ, вырабатывая свою манеру проповедничества.

Будущий владыка не был чужд и поэзии. В годы молодости было написано это стихотворение, в котором выразились искренние чувства и убеждения, коим он остался верен и в дальнейшем:

Не унывай!
Когда для ревности усердной
Тебе назначен малый круг,
И в рубежах его стесненный
Кипит порывами твой дух —
Себя в делах благих явить,

Их блеском мир сей озарить:
Смиреньем ревность укрощай,
Но никогда не унывай!
И укрепившись благочестьем
В твоей страдальческой борьбе,
Не мни паденьем и бесчестьем
Последовать своей судьбе:
Но тщися в малом верен быть,
Себя для долга позабыть,
Его с любовью исполняй
И в подвигах не унывай!

Очевидным показателем того, что таланты молодого Ивана Борисова были замечены, стало (по окончании в 1823 году Киевской Академии со степенью магистра) его оставление для преподавательской деятельности. В том же году его направляют в Санкт-Петербург инспектором духовной семинарии. 10 декабря 1823 года там он принимает монашество с именем Иннокентия и в сане иеромонаха становится в 1824 году бакалавром богословия в Духовной Академии. В 1826 году его возводят в сан архимандрита и назначают на должность профессора богословских наук Духовной Академии. Широкую известность архимандрит Иннокентий получает в 1828-1830-х годах, когда в журнале «Христианское чтение» публикуется его исследование «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». За это и другие сочинения в 1829 году он получил ученую степень доктора богословия.

В годы его инспекторства в академии возникла особая тяга к науке, жажда знаний. Ее выпускники вспоминали: «Пусть обучавшиеся в то время в академии припомнят те горячие и оживленные споры о философских, богословских и прочих предметах, которые тогда происходили у студентов и между собою в комнатах, и с наставниками в классах. От запальчивости, от горячности антагонистов истина тут не всегда всплывала наружу, но самая эта запальчивость и горячность доказывали, что она слишком интересовала споривших. Далее, сколько было студентов, которые, не зная немецкого языка, выучивались ему в год, полгода и даже меньший срок с тем только, чтобы поскорее читать книги немецкие... Канта, Шеллинга, Бретшнейдера, Розенмюллера...» (цит. по: 191, с. 239).

Яркий талант молодого профессора Духовной Академии был отмечен не только церковным начальством. Проповеди архимандрита Иннокентия в Казанском соборе и в Александро-Невской Лавре стали собирать множество молящихся, а после их публикации в академическом журнале «Христианское чтение» резко вырос тираж журнала. В день Воздвижения Креста Господня проповедник сказал в своем слове: «В мире, братие, весьма много бед и скорбей, потому что еще более грехов и страстей; но страдания, происходящие от наших грехов, не составляют сами по себе креста христианского. Честолюбивый мучится ненасытимым желанием отличий и преимуществ; завистливый сдается скорбию о благе ближнего; сластолюбца терзает невозможность удовлетворять своим нечистым вожделениям; все сии и им подобные люди страдают и нередко более тех, кои страдают правды ради: между тем кто не признает их страданий произвольными мучениями греха, заслуживающими не уважение, а укоризну?» (63, с. 40). В то же время в адрес пламенного проповедника раздавались критические замечания, его упрекали как за сугубо философское обоснование догматических положений христианской веры, так и за недостаток аналитичности. Строгие ревнители благочестия даже подозревали архимандрита Иннокентия в «неологизме», и было проведено негласное дознание относительно его образа мыслей (что неудивительно в царствование строгого императора Николая I).

В Духовной Академии архимандрит Иннокентий читал основные богословские предметы – апологетику, экклезиологию (наука о Церкви) и догматику. В своих лекциях он использовал не только труды Отцов Церкви, но и иностранную богословскую литературу, католическую и протестантскую, привлекал материалы западных ученых по философии, истории, археологии, эстетике. «На профессорской должности Борисов был не сухим теоретиком... но оратором, который воодушевлен и увлечен своим предметом и умеет также воодушевлять и увлекать им своих слушателей... – вспоминал один из бывших студентов академии. – Лекции его были глубоко обдуманы и излагались в стройной систематической связи... Он смело касался рационалистических идей, конечно, оценивал и критиковал их, как прилично наставнику Духовной Академии, но и не ратовал против них, как фанатик. Студенты были увлечены этими лекциями, заслушивались их и выходили из класса в полном очаровании от них» (цит. по: 158, т. 1, с. 442). По строгому отзыву протоиерея Георгия Флоровского, в своих богословских лекциях владыка Иннокентий «не был самостоятелен», заимствуя систему католических школ (191, с. 197).

Но при некоторой эклектичности содержания его лекции производили впечатление «фейерверка таланта», увлекали «живостью воображения». «Нет, не наука, как ни близка она была знаменитому иерарху, а искусство, высокое искусство человеческого слова, вот в чем состояло его истинное призвание», – писал о владыке митрополит Макарий (Булгаков) (цит. по: 191, с. 198).

Важнейшим делом своим владыка считал воспитание душ людских. В одном из слов в Великий пяток преосвященный Иннокентий особо обратил внимание слушателей на силу греха: «Он кажется минутным забвением долга – и возмущает целую вечность; совершается на малом пространстве земли, но потрясает все небеса; вредит, по видимому, одному человеку, и Сам Сын Божий должен страдать для изглаждения его!.. Поклонения грешников своему распятому Спасителю могут иметь смысл и значение только тогда, когда они соединены бывают с твердой решимостью не идти более путем беззакония, возлюбить чистоту совести и исправить свою жизнь» (64, с. 63, 65).

Заслужив славу отличного профессора и проповедника, Иннокентий выполнял и менее видные обязанности – ревизора духовных учебных заведений в Тверской и Олонецкой епархиях, члена цензурного комитета при Духовной Академии. Ученые труды и заслуги его были отмечены денежными наградами, бриллиантовым крестом и орденом святой Анны 2-й степени.

С 1830 по 1839 год святитель Иннокентий пребывал в должности ректора Киевской духовной академии. В эти годы по общему признанию академия испытала расцвет и подъем в уровне обучения. Новый ректор коренным образом изменил систему обучения: прежде всего отменил преподавание предметов на латыни, расширил и обновил учебную программу, включив в нее естественно-научные дисциплины. В Киеве личность ректора как проповедника и ученого-энциклопедиста пользовалась общим уважением. По его инициативе было благоустроено здание академии, пополнена библиотека, улучшено питание студентов, в 1837 году основан духовный еженедельный журнал «Воскресное чтение» для широкого круга читателей. Благодарное студенчество переживало то же «философское возбуждение», что и их собратья на берегах Невы.

Вокруг архимандрита Иннокентия сплотились его единомышленники и друзья, разделявшие его стремление поднять уровень образования священнослужителей до постижения важнейших вопросов современной науки. А его интересовало все – от нумизматики, минералогии и ботаники до сельского хозяйства, астрономии и военного дела. Священник И. М. Скворцов, профессор Духовной Академии, писал другу-ректору: «Философия во всей ее силе нужна в академии. Это потребность века, и без нее учитель Церкви не будет иметь важности пред своими учениками» (цит. по: 158, т. 1, с. 443). В своей деятельности архимандрит Иннокентий, добрый по характеру, в необходимых случаях проявлял твердость. Например, в письме к обер-

прокурору Святейшего Синода С. Д. Нечаеву он резко осудил практику частого перевода преподавателей, что крайне вредно отражалось на обучении (158, т. 1, с. 593). Ему принадлежит почин издания «Деяний Вселенских и Поместных Соборов», подготовки описания монастырских библиотек и собрания там рукописей.

В Киеве, как и на невских берегах, слушатели академии пленялись лекциями ректора. Один из студентов вспоминал позднее о своем учителе: «Это был человек в собственном смысле гениальный: высокий, светлый, пронизательный ум, богатое, неистощимое воображение, живая и обширнейшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкий, правильный вкус, дар творчества, изобретательности и оригинальности, совершеннейший дар слова – все это в чудной гармонии совмещено было в нем» (цит. по: 59, с. 228).

В отношениях со студентами Иннокентий был по-отечески добр и заботлив. Правда, по своей горячности и вспыльчивости был гневлив, мог и резко «пожурить» проштрафившегося студента, но только и гневу было не более чем на один час. Призовет к себе дежурного: «Что такой-то студент, скорбит?» – «Печален». – «Ну, возьми эту книгу, отдай ему и скажи, чтоб был покоен, что между нами забыто все» (66, с. 499).

В киевском Михайловском монастыре архимандрит Иннокентий произнес однажды проповедь о семи архангелах, вождях и начальниках ликов ангельских, особо отметив четвертого архангела, Уриила, архангела света и познаний: «Итак, это ваш архангел, люди, посвятившие себя наукам! Как отрадно должно быть для вас знать, что ночные бдения и труды ваши над собранием познаний освещаются не одним стихийным мерцанием от лампы, а и светом от пламенника архангела... Удивительно ли приходит внезапным озарениям свыше, когда есть особый архангел света и познаний?» (цит. по: 59, с. 171). Изящная простота речи и вдохновенное воодушевление проповедника приводили людей в восторг.

В те годы Иннокентия заподозрили в богословском «неправомыслии», или «вольномыслии», из-за его близких отношений с протоиереем Герасимом Павским, самостоятельно и без позволения начальства начавшего переводить Ветхий Завет с еврейского на русский язык. По исследованию этого дела митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) выяснилось, что недоразумение произошло из-за неверной записи лекции одним из студентов Духовной Академии (66, с. 496).

В то же время, по мнению протоиерея Георгия Флоровского, «мыслителем он не был. Это был ум острый и восприимчивый, но не творческий. Исследователем Иннокентий никогда не был. Он умел завлекательно поставить вопрос, вскрыть вопросительность в неожиданной точке, захватить внимание своего читателя или слушателя, с большим увлечением и блеском пересказать ему чужие ответы... И в этом “краснословии” разгадка его влияния и успеха – и на профессорской кафедре, и на проповедническом амвоне» (191, с. 197). Слушатели проповедника и профессора видели строгую и важную богословскую истину в таком блестящем одеянии, какого ранее и представить не могли, его проповеди и лекции не столько учили, сколько увлекали мастерскими картинами, живым чувством, ярким словом. Увлечение слушателей было всеобщим. В киевский период его жизни по всей России стали известны его проповеди: к 1843 году семью изданиями в Москве, Киеве и Харькове вышли собрания его проповедей «Светлая седмица» и «Страстная седмица». Признанием общественностью его авторитета стало избрание в 1836 году действительным членом Российской академии, а также почетным членом новоучрежденного Киевского университета. Преосвященный Иннокентий был дружен со многими деятелями русской культуры: историком М. П. Погодиным, философом А. С. Хомяковым, литераторами М. А. Максимовичем и Н. В. Щербиной; переписывался с Н. В. Гоголем и благословил его поездку к Святым местам.

Примечательны слова владыки Иннокентия в письме к М. П. Погодину с благодарностью И. В. Гоголю за присылку «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «...Скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с

ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть. Впрочем, это не то чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет» (цит. по: 37, с. 85). Здесь и теплота поддержки, и мягкое внушение осторожности при совершении благого дела.

Люди привязывались к святителю Иннокентию и в силу его необычайной доброты, приветливости. То была натура в высшей степени поэтическая. Романтический характер святителя виден в эпизоде из воспоминаний современника: «Сидели в Парголовке под Киевом. Стало смеркаться. Иннокентий вдруг спросил меня: “Ты любишь смотреть, как огонь горит?” – “Люблю”. – “Я и сам люблю. Прикажи же принести дров и развести огонь вот здесь, близ воды... и как можно больше. Мы будем смотреть, как все это будет гореть, и слушать пение соловьев”» (цит. по: 59, с. 172).

21 ноября 1837 года состоялось рукоположение Иннокентия в сан епископа Чигиринского, викария Киевского митрополита Филарета (Амфитетрова), также высокоученого богослова и великого молитвенника. В марте 1841 года владыка Иннокентий был назначен на самостоятельную кафедру Вологодскую и Устюжскую, но пробыл на ней менее года. По состоянию здоровья и при поддержке митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) в январе 1842 года Святейший Синод перевел его на юг, на кафедру Харьковскую и Ахтырскую. Уже через три года, в апреле 1845 года, его возводят в сан архиепископа, в апреле 1847 года назначают членом Святейшего Синода. С 24 февраля 1848 года и до последних дней жизни он был главой Херсонской и Таврической епархии с резиденцией в Одессе.

Хроника служебного роста святителя Иннокентия лишь отчасти дает представление о масштабах и характере его деятельности. Конечно же, его первым и самым важным делом оставалось радение о правильном течении церковной жизни, радение о соблюдении порядка во вверенных ему епархиях, выполнение поручений Святейшего Синода.

Особое внимание владыка Иннокентий обращал на состояние духовенства. Он запрещал священнослужителям в период Великого Поста оставлять свои приходы и отправляться в епархиальное управление (просить более доходное место или занести клязу на товарища), ввел штрафы для служителей консистории «за бесчинство и грубость с просителями, особенно духовного чина». Особенно преследовал он пьянство среди церковных служителей. Одна из резолюций гласит: «Пьяному неучу сему велеть искать другого места, где его принять пожелают». Требовал он и поддержания порядка в церквях. Например, в 1844 году предписал всем духовным правлениям и благочинным, чтобы «окна в церквях по временам были промываемы, а пыль и паутина сметаемы и чтобы стекла, сколько возможно, были цельные, а не из отломков составленные» (66, с. 531, 538). Владыка требовал от священников заботиться о нравственно-религиозном воспитании прихожан, учить крестьянских детей хотя бы кратким молитвам.

В Харьковской епархии владыку поразила малограмотность и умственное невежество местного духовенства. В одной из резолюций он написал на прошении пономаря: «Не давать места, если не выучится читать и писать в полгода, и если не выучится, то исключить его из духовного звания, яко не потребного». Встречал он и священников, которые не знали даже основных начал христианского вероучения. Для исправления такого вопиющего неблагополучия владыка Иннокентий завел обыкновение при своих поездках по епархии экзаменовывать всех священнослужителей, а его спутники проверяли знания диаконов и пономарей. Правда, подчас это приводило к тому, что камилавка протоиерея-экзаменатора при начале экзамена наполнялась серебряными рублевиками...» (66, с. 528–530).

Будучи сам отличным проповедником, владыка заботился о процветании церковного проповедничества. Например, в Харькове он так отозвался о представленной на рецензию проповеди одного священника: «Нет жизни! Пойдите, найдите ее, влейте силу и теплоту! Не хитрите, не лезьте в книги и энциклопедию, поищите ближе – вот тут, в сердце!.. Вот где ларчик!

А ключ от него в добром смысле и чистой совести... Идите, помолитесь и начинайте проше и проше, – непременно с полным сознанием предмета и еще с миром душевным, а оканчивать прошу если не слезою, то, по крайней мере, нежным и кротким чувством» (цит. по: 66, с. 542).

В условиях крепостного строя помещики частенько так загружали работами своих крестьян, что лишали их возможности пойти на церковную службу. Владыка Иннокентий понимал, что сам исправить это не в состоянии, и писал о том в Святейший Синод, не слишком рассчитывая на успех дела.

В Харьковской епархии владыка способствовал восстановлению двух монастырей – Святогорского и Ахтырского. В Одессе, как до этого в Киеве, Вологде и Харькове, владыка Иннокентий заботился о сохранении церковно-исторических памятников, уделял внимание археологическим изысканиям. Он увлекся мыслью о восстановлении древнего Херсонеса как места крещения святого равноапостольного князя Владимира.

Время порождало различные затруднения в церковной жизни. Например, в 1840-е годы обнаружилось, что число выпускников семинарий значительно превышает число священнических вакансий, что многие поповичи-семинаристы стремятся выйти из духовного сословия. Архиепископ Иннокентий, как член Святейшего Синода, предложил запретить прием в семинарии сыновей церковнослужителей, дабы таким путем привлечь к церковному служению подвижников из иных сословий русского общества. Ему возразил известнейший митрополит Московский Филарет (Дроздов), который указал, что из церковной среды вышло немало выдающихся служителей Церкви. Спор разрешился компромиссным решением Синода, освободившего духовных лиц от обязанности посылать своих сыновей в духовные учебные заведения (158, т. 1, с. 425–426).

В 1852 году возник спор двух выдающихся иерархов по иному поводу – преподавания латыни в семинариях. Митрополит Филарет (Дроздов), подобно многим своим собратьям, верил в ценность научного знания, а владыка Иннокентий полагал возможным усилить практическое направление при обучении будущих сельских священников. И в этом случае Синод прислушался к доводам обеих сторон: латынь потеряла в семинариях прежнее значение, но ей и древнегреческому языку все же уделялось внимание. Так в течение четверти столетия святитель Иннокентий имел большое влияние на общий ход церковных дел в России.

Архиепископ Иннокентий много времени уделял устройению своей епархии, причем не довольствовался одним наведением порядка и благолепием служения. Он первым в России предложил издавать Епархиальные Ведомости как регулярное газетное издание, что получило с 1860 года всеобщее распространение. Он способствовал созданию в Крыму новых церквей и монашеских обителей.

В 1848 году в пустынном месте, в двух верстах от Севастополя, на городской площади древнего Херсонеса в ходе археологических раскопок вместе с министром просвещения графом С. С. Уваровым он обнаружил несколько церквей. Одна из них имела две крестильни и была сочтена за церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, в которой, по легендарному преданию, был крещен святой равноапостольный великий князь Владимир. По определению Святейшего Синода на этом месте преосвященный Иннокентий открыл монашескую обитель, а в 1853 году освятил первый небольшой храм во имя святой равноапостольной великой княгини Ольги. Позднее, во время Крымской войны, обитель была разрушена, но в 1857 году восстановлена, по плану владыки Иннокентия был построен новый храм, а в 1861 году Херсонесская Свято-Владимирская обитель возведена на степень первоклассного монастыря.

В южных губерниях внимание владыки вызывали проблемы борьбы с ересями и сектами, широко распространившимися в те годы. В Херсонской губернии, например, еще в XVIII веке возник русский штундизм, при вере в Бога отрицавший Церковь. Правительство действовало не всегда умело в борьбе со штундой и другими угрозами, подчас пренебрегая мнением Церкви. Так, на основании распоряжений Николая I в 1836 году и 1841 году в Херсонскую

губернию переселили более 2 тысяч евреев, освобожденных на 25 лет от налогов и рекрутского набора. После беседы в декабре 1845 года Николая I с папой Римским Григорием XVI в августе 1847 года был заключен конкордат (соглашение) между царским правительством и Католической Церковью, которая получала возможность открыть в России седьмую епархию – на юге, в Херсоне. Архиепископ Иннокентий в своем докладе обер-прокурору

Святейшего Синода графу Н. А. Протасову выразил недоумение по поводу такого решительного шага, о котором его даже не поставили в известность заблаговременно, что было неудивительно при синодальной системе церковного управления (158, т. 1, с. 302, т. 2, с. 488). В то же время власть считалась с мнением ученого архиерея и привлекала его к государственной деятельности. Например, именно архиепископ Иннокентий для свода законов Российской империи составил раздел «О браке», опираясь как на церковные каноны, так и на свое знание крестьянской жизни. Профессор А. В. Никитенко, описывая в своем дневнике выпускной акт в Санкт-Петербургском университете в 1949 году, особо отмечает: «На акте было довольно много посетителей, много высшего духовенства, в том числе... знаменитый Иннокентий» (97, т. 1, с. 520).

На юге страны святитель Иннокентий столкнулся со сложными проблемами братьев по вере – греков и болгар, живших под властью турок. Благодаря его инициативе в Константинополе был воздвигнут православный храм для болгар, а в Одессе он создал болгарское подворье, благодаря чему выросла эмиграция болгар из Османской империи. Болгар и греков, по его распоряжению, принимали в Херсонскую духовную семинарию. «За большие труды для пользы Греческой Церкви в трудные годы ее бытия» архиепископ Иннокентий был награжден греческим орденом Спасителя 1-й степени – это был единственный случай награждения российского подданного этим орденом.

Преосвященный Иннокентий проповедовал почти за каждым своим богослужением. Его проповеди, не отличаясь оригинальностью и смелостью мысли, тем не менее по-прежнему производили глубокое впечатление на слушателей. Появляются их издания на французском, немецком, польском, сербском, греческом и армянском языках.

В 1853 году Россия оказалась втянутой в Крымскую (Восточную) войну. Видимым поводом для решительных действий императора Николая I послужил спор с Османской империей за права балканских христианских народов, находившихся под властью турок, а также с Францией – за контроль над Святыми местами в Иерусалиме. В действительности же русский император возмнил себя вершителем судеб Европы и вознамерился покончить с «большим человеком Европы», с Османской империей, в результате чего Россия должна была получить контроль над Константинополем и черноморскими проливами, а болгары, сербы, черногорцы – полную государственную самостоятельность. Но Николай I просчитался. Европейские страны опасались России и не желали ее усиления. Они поддержали турецкую сторону против России, вследствие чего наша страна в одиночку столкнулась с вражеской коалицией. Положение усугубляла значительная экономическая отсталость России, еще сохранявшей крепостное право. Отставание от Запада было ощутимо также в вооружении, снабжении и организации войск русской армии. Боевые действия начались на берегах Дуная, а в 1854 году были перенесены на территорию Российской империи: 13 сентября англо-франко-турецкая армия высадилась на побережье Крыма возле Евпатории.

Мирное население Одессы еще раньше на себе испытало ужасы войны: 10 апреля, в Страстную Субботу, город был подвергнут бомбардировке 9 французскими и 21 английскими кораблями. Вражеские орудия били по береговым батареям, по гавани и по предместью Одессы. Были убитые и раненые.

В соборе при звуках взрывов раздались истерические рыдания и вопли, но распахнулись царские врата, и из алтаря вышел владыка Иннокентий. «Вы устрашили сего бранного звука, произведенного вражескою рукой, и, стоя на молитве в этом святилище, не устыдились пасть

на землю по маловерию... Но какой ужас и страх обьет грешную душу, когда возгремит архангельский глас трубы, чтобы призвать нас на всеобщий суд!..» (66, с. 578).

Архипастырь в день бомбардировки города в кафедральном соборе впервые совершил таинство елеосвящения архиерейским служением, что стало ежегодной традицией. При большом стечении народа в соборе владыкой совершались покаянные молебны с акафистом перед чудотворным Касперовским образом Божией Матери, и с тех пор эта икона стала покровительницей Одессы и всего Причерноморья.

Святитель Иннокентий со свойственной ему энергией обратился к делам милосердия, оказывая содействие в организации новых медицинских учреждений. Он напутствовал каждый батальон, уходивший из Одессы на театр военных действий. Возросла важность слова владыки. Недоумевавшие, напуганные, отчаявшиеся люди наполняли городской собор, чтобы услышать проповедь владыки Иннокентия, его слова утешения и воодушевления. Напомнив об Отечественной войне 1812 года, святитель сказал: «Хотите ли знать, чем возмогло в сей беспримерной борьбе на жизнь и смерть любезное отечество наше? Оно возмогло живую верою в Бога отцов своих, которая одушевила всех от мала до велика и всех заставила, подобно древним ниневитянам, принести искреннее покаяние пред Ним во грехах своих; оно возмогло непоколебимую верностию благословенному царю своему... оно возмогло любовь к Отечеству, для коей не казалось трудным никакое усилие...» (63, с. 83–84).

Наши войска в боях несли тяжелые потери, отступали и дошли до Севастополя. Его оборону организовали адмиралы Нахимов, Корнилов, Истомина, генералы Хрулев и Тотлебен. На севастопольских бастионах сражались русские офицеры, солдаты и матросы. Они держались стойко, проявляя чудеса храбрости и выносливости, но положение их было тяжелейшим: в городе не хватало продовольствия, в окопах – патронов и снарядов, в тылу – госпиталей для раненых. Война оказалась трудным испытанием, которого николаевская Россия не выдержала.

24 июня 1855 года архиепископ Иннокентий прибыл в осажденный Севастополь. На следующий день он отслужил в городском соборе литургию. Храм не мог вместить всех желающих, и поэтому после службы на большой площади, наполненной солдатами, матросами, офицерами, сестрами милосердия и немногими оставшимися горожанами, владыка отслужил молебен.

«Дорогие братья и сестры, – обратился он к ним со словом после молебна. – Не поучения говорить вам мы прибыли сюда. Нет, мы явились учиться у вас, славные защитники града, как исполнить заповедь Христа Спасителя. По всему лицу земли русской нет ни одного сына Отечества, который бы в настоящее время не превитал мыслью с вами, мужественные защитники Севастополя, который бы не скорбел вашими скорбями, не болел вашими ранами, равно как не радовался бы о ваших успехах, не хвалился бы вашей твердостью и мужеством. Тем паче мне, как духовному пастырю страны сей, хоть и недостойному, невозможно не присутствовать всегда с вами духом, верою и молитвою и не разделять от души всего, что происходит с вами: и радостного, и печального... Вы слава России, утешение ее монарха, радость Святой Церкви, предмет удивления для самих врагов и всего света!».

Владыка Иннокентий решил было отправиться на бастионы, дабы благословить всех севастопольских героев, но его не пустили под пули врага. Он пробыл в городе несколько дней, освятил несколько икон и вручил их пришедшим с бастионов солдатам и матросам. В августе 1855 года владыка Иннокентий со всей Россией печалился оставлению Севастополя. Относительно почетный мирный договор, заключенный в Париже в апреле 1856 года, оказался слабым утешением.

Между тем в эти годы в Одессе заканчивается строительство кафедрального Спасо-Преображенского собора, при содействии владыки открываются Бахчисарайский скит и Котлярьезская пустынь близ Керчи. В свет выходили книги архиепископа

Иннокентия, публиковались его проповеди (полное их собрание вышло в 1900–1901 годах и составило 12 томов).

Владыка Иннокентий делил с митрополитом Филаретом (Дроздовым) славу первого русского проповедника. Их творения многие сравнивали и отмечали, прежде всего – преимущественное обращение святителя Филарета к сюжетам Библейским, а святителя Иннокентия – к образам природы. То это мир растительный – цветы и деревья, то это экватор, море, небесный свод, солнце; в проповедях упоминаются то электричество, то магнетизм, то вулканы. «Научились ли мы, – вопрошал проповедник, – подобно волхвам, читать волю Божию в явлениях видимой природы, слышать глас неба и в так называемых естественных событиях?» Он говорил о «храме природы, доселе полном иконами, как при начале мироздания» и о силе, которая «водрузила над главами нашими солнце и рассыпала мириады звезд», для него вся природа полна славы Божией (59, с. 176).

Анализируя проповеди святителя Иннокентия, В. П. Зубов отмечал, что у него «все полно некоей безотчетной тревоги и таинственного беспокойства... Характерным для Филарета был тихий и властный голос, более властный, чем шум мира. У Иннокентия – вопли и стоны»; образы Иннокентия – «горсть рассыпанного жемчуга», образы Филарета – «законченная логическая последовательность» (59, с. 180, 182). И. В. Киреевский назвал святителей Филарета и Иннокентия выразителями двух противоположных устремлений церковной проповеди: если Филарет движется от разума к сердцу, то Иннокентий – от сердца к разуму. «Что есть жизнь наша? – вопрошал святитель Иннокентий. – Это непрестанно развивающийся свиток, наполненный множеством письмен, коего одна часть всегда сокрыта... Это непрестанно увеличивающаяся ткань, в состав коей входит бесчисленное множество разнородных нитей, коей поверхность видна всякому, а основание никому... Это совокупность бесчисленных и разнородных явлений, кои, подобно одушевленным теням, движутся вокруг нашего сознания, поражают чувства, занимают воображение, питают рассудок, радуют или печалят сердце и вскоре исчезают, оставляя слабый след в памяти... Свиток времени непрестанно разгибается пред каждым, листы вращаются один за другим; пиши что угодно и как угодно; но нельзя перевернуть ни одного листа назад; нельзя переставить, переменить или уничтожить ни одной буквы: как написано, худо ли, хорошо ли, так останется вечно, так и будет читано некогда Судиею в слух Ангелов» (цит. по: 59, с. 195). Показательно, что многие проповеди святителя Иннокентия являются импровизациями, в то время как святитель Филарет все свои проповеди предварительно писал на бумаге.

Два великих современника, при всех различиях характеров и интересов, уважали и ценили друг друга. В 1836 году архиепископ Херсонский послал в Москву свой новый труд о Страстях Христовых. Митрополит Филарет одобрительно отнесся к замыслу, но счел, что «не лишнее было бы, если бы по иным местам пройти холодным взором рассудка и остричь некоторые слова, в которых далеко простерлась свобода воображения» (цит. по: 59, с. 183). Святитель Филарет считал недопустимой фантазию при изложении евангельских повествований и в своих проповедях строго сдерживал воображение; святитель Иннокентий, напротив, полагал вполне допустимым дополнять известные из Библии события воображением, основанным, конечно же, не только на эмоциях, но и на обширных познаниях, новых открытиях в западной библеистике, истории и археологии.

Книга, о которой идет речь, называется «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». В царствование Николая I она была сочтена слишком «либеральной» (196, т. 1, с. 613) и в течение нескольких десятилетий не переиздавалась после первой публикации в журнале, несмотря на признанный авторитет преосвященного Иннокентия. Отдельное книжное издание вышло посмертно в 1857 году в Одессе, за ним последовали иные. В книге святитель Иннокентий на основании евангельских повествований и достижений исторической науки своего времени рисует яркую и трагическую картину последних дней Спасителя со многими подробностями и

даже мелочами. Это самое знаменитое сочинение владыки получило широкое распространение и известность. Книга увлекает всякого своими бесспорными литературными достоинствами.

Болезнь, постигшая преосвященного Иннокентия еще в первые годы управления Херсонской епархией, усиливалась с каждым годом. В апреле 1857 года, несмотря на возросшую слабость, он служил в разоренной Евпатории, в соборном храме

Симферополя, не оставляя забот о выделении земельных участков для разоренных крымских скитов, о выделении средств обедневшему Балаклавскому монастырю, принимал посетителей. От помощи врачей, среди которых был знаменитый Н. И. Пирогов, он отказался. 24 мая он вдруг велел выпустить из клеток всех своих птичек на волю...

Архиепископ Иннокентий скончался 25 мая 1857 года в день Троицкой родительской субботы. Последними его словами были: «Господи, какой день!».

Сто сорок лет спустя, в декабре 1997 года, состоялось прославление Украинской Православной Церковью своего нового святого – святителя Иннокентия (Борисова).

Дивное чудо Оптиной

К началу XX века, решающему рубежу в новейшей истории России, в стране имелось немало монашеских обителей, были лавры, в которых предметами почитания оставались древние намоленные иконы и где тысячи православных людей находили отраду и утешение. Но среди всех этих Божиих обителей особенную известность и почитание заслужила Оптина пустынь, в скиту которой в молитвенном подвиге жили старцы, сменяя один другого в служении Богу и людям.

Почему так произошло? Почему не самая древняя, не отмеченная чудотворными иконами, расположенная в глуши лесов монашеская обитель, не обладавшая величественными соборами и мощными стенами, стала одним из духовных центров Православной Руси?

Дух Божий дышит, где хочет. И как раз во внешней скромности Оптиной видится что-то очень важное, очень наше... Равно как и в разнообразном служении Оптинских иноков в период явного оскудения веры в народе русском дается пример того, что в мире сем можно жить по заповедям Божиим.

1

Оптина Введенская пустынь находилась в четырех верстах от Козельска в Калужской губернии, на правом берегу реки Жиздры, неширокого, но глубокого притока Оки, на опушке огромного густого бора. По преданию, ее основателем стал в XV веке свирепый разбойник, гроза дремучих лесов Опта. Но милосердие Божие взыскало его грешную душу, и жестокий предводитель головорезов превратился в отца и руководителя истинного иночества. Подробности его жизни не сохранились, но известно, что именно он основал Введенскую пустынь (монастырь, называвшийся пустыней по удаленности) и некоторые другие обители (96, с. 13–15).

За время своего пятивекового существования Оптина пустынь испытала немалые превратности: не раз ее разоряли литовцы и поляки, ее упразднила в 1717 году и вновь восстанавливала в 1726 году церковная власть. К началу XIX века, когда многие православные обители в России, ранее отличавшиеся строгостью жизни и обилием благотворительных подвигов их

насельников, изменились до неузнаваемости и по внешнему, и по внутреннему строю жизни, Оптиная возрастала духовно. В древности пустынь не отличалась ни строгостью устава, ни численностью братии (редко превышавшей десять человек) и оставалась одной из сотен других. Но вдруг тихая монашеская обитель вышла из безвестности, расцвела и окрепла, встала в число первых обителей по строгости иноческой жизни, по обилию добродетельных подвигов братии. В середине XIX века в Оптиной по примеру древних обителей и Афона расцветает старчество, известное только в немногих русских монастырях.

В то время в пустыни имелось шесть каменных храмов: соборный в честь Введения во храм Богоматери, церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, больничная церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери, храм во имя преподобной Марии Египетской и святой праведной Анны, кладбищенская церковь во имя Всех святых и церковь во имя святого Амвросия Медиоланского. Обитель была известна источником, называемым Святым или Пафнутиевым; там имелись книжная лавка и книжный склад, гостиница для богомольцев, странноприимный дом, черепичный и свечной заводы. При Оптиной пустыне существовал Иоанно-Предтеченский скит, в котором имелось три храма: деревянный в честь собора Иоанна Предтечи, трапезный Казанский храм и храм во имя преподобного Иоанна Рыльского (130, с. 247).

Но в той же Калужской епархии имелась Тихонова пустынь, в Казанской епархии – Седмиезерная пустынь, так что до поры до времени Оптиная оставалась одной из многих. С чего начался ее подъем?

В 1796 году на нее обратил внимание митрополит Московский и Калужский Платон (Левшин), поручивший архимандриту Макарию (Брюшкову) привести монастырь в порядок. Тот был связан со школой старца Паисия Величковского, с которым ранее состоял в переписке, и направил в пустынь монаха Авраамия, впоследствии ставшего ее настоятелем. Вскоре была образована самостоятельная Калужская епархия, но первый ее управитель – архиепископ Феофилакт (Русанов) пребывал в основном в Санкт-Петербурге. В 1819 году новым архиереем Филарет (Амфитеатров), только что рукоположенный в сан епископа, объезжал епархию, и Оптиная приглянулась ему. Молитвенник по духу и образу жизни, епископ Филарет в 1821 году поддержал мысль о создании в глухом сосновом бору скита – части обители, в которой пребывают монахи-подвижники, ищущие безмолвия и уединения. Встал вопрос об устройстве скита.

В те времена в лесах вокруг пустыни жило немало вольных, независимых от церковного начальства пустынников, часто неведомо откуда пришедших. Оптинские монахи относились к ним неприязненно, называли «самочинниками» и сетовали, что к таким тянется немало народа. Владыка Филарет понимал, сколь разнообразны виды монашеского служения, часто погружавшие иноков в самую гущу суетной жизни, в мир дольний, в то время как православные люди тянулись за утешением и поучением к истовым молитвенникам, живущим преимущественно в мире горнем. Он решил привлечь к устройству скита именно пустынников.

В то время в соседней Смоленской губернии, в Рославльских лесах жили ученики знаменитого молдавского старца Паисия Величковского, возродившего в православной жизни опыт святоотеческой жизни и традиции старчества. Об этом стоит сказать подробнее.

Начиная с принятия христианства аскетический образ жизни – монашество – стал для верующего русского человека высочайшей целью, позволяющей преодолеть земные блуждания. Для верующих русский подвижник был святым, сияющим всеми христианскими добродетелями. Старчество стоит в тесной связи с историей монастырской жизни в России. Первоначально оно пришло с горы Афон и с XV века получило на Руси распространение благодаря творениям преподобного Нила Сорского и его учеников. Затем оно как бы уходит из монастырской жизни, но в XVIII веке возрождается усилиями старца Паисия Величковского.

Институт старчества есть очень старое явление в жизни Православной Церкви. Святые Василий Великий и Ефрем Сирийский в IV веке в своих писаниях особое внимание уделяют духовному руководству. «Действительное и совершенное послушание подчиненного руково-

дителю, – писал святой Василий Великий, – выражается в том, чтобы после совета руководителя не только воздерживаться от всего неразумного, но и не делать ничего хорошего по собственной воле». Основатель монастыря святой Антоний Великий в IV веке утверждал: «Люби своих духовных отцов больше, чем родителей, потому что они заботятся о том, чтобы привести тебя к Богу» (159, с. 378, 380).

Старец – один из старших монахов, прошедших тяжелый путь самоотречения от мира и взявший под свое духовное руководство молодых монахов и мирян. Свою задачу он видит прежде всего в руководстве и заботе о душах тех, кто не имеет духовного опыта, помогает им пройти через искушения и горести этой жизни. Незнакомым, приходящим к нему, он дает советы, утешает, наставляет. Старчество не есть иерархическая степень в Церкви. Старцем мог быть и простой монах, каким был вначале преподобный Варнава Гефсиманский (1831–1906), епископ, святитель Филарет, митрополит Московский и Коломенский (1782–1867), и святитель Феофан, затворник Вышинский (1815–1894); старчествовать может и женщина, например известная Паша Саровская (1800-е—1915). В монастыре старец обычно не занимает никакой официальной должности – он духовник, духовный вождь и советник.

Ученик сам избирает того старца, которого хочет. Абсолютная вера, чистосердечное и полное послушание, искренность в слове и деле со стороны духовного сына, сердечность и справедливая строгость со стороны старца образуют содержание этих двусторонних отношений. «Существеннее всяких книг и всякого мышления, – писал в 1840-е годы Иван Киреевский, – найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщить каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов. Такие старцы, слава Богу, есть еще на Руси!» (159, с. 376). Сам Иван Киреевский нашел своего старца в лице Макария Оптинского.

В самом монашеском понятии «отречься от мира» нет отрицания мира. Старец ведет свое духовное чадо не к умерщвлению плоти, но к ее преодолению и преображению – обождению, единству с Богом. По мере его духовного возрастания он наставляет его в представлениях об умной молитве, о хранении сердца в чистоте, о трезвении ума.

Старец Паисий (1722–1794) родился в Полтаве, в семье священника, получил имя Петра. Он был стеснителен, молчалив. Уже в юные годы в его душе возникло стремление оставить мир и принять иноческий образ. К семнадцати годам Петр закончил Киевскую духовную школу, но не получил внутреннего удовлетворения от изучения разнообразных наук. Мечты об Иерусалиме, Афоне и Синае, чтение творений преподобного Ефрема Сирина привели его к мысли о странничестве. Он посетил многие монастыри в Малороссии, Молдавии и Валахии, в двадцать четыре года достиг святой горы Афон, где процветали десятки монашеских обителей, где хранили традиции православной аскетики. Через три года он был пострижен в монашество с именем Паисий. Он возвращается в Молдавию, где в Яссах получает в управление монастырь в честь Сошествия Святого Духа.

В то время в России, после падения Византийской империи, ослабли связи с православными корнями на Востоке, отчасти были забыты или искажены святоотеческие традиции преподобного Нила Сорского; вследствие подчинения по воле Петра I Церкви государству (после секуляризации церковных владений Екатериной II) монашеская жизнь и внешне приходит в упадок. Сознывая это, преподобный Паисий устраивает в своем монастыре монашеский уклад по образцу устава святого Василия Великого: все было общее, трапеза совместная, все работы в монастыре исполнялись монахами. Богослужение совершалось по Афонскому уставу на русском и молдавском языках. Главными добродетелями считались отречение от собственной воли и самостоятельного мнения, послушание, смирение, терпение, доброе отношение к другим. Во всех аскетических добродетелях сам настоятель был первым примером.

Но, быть может, более важным, чем устройство обители по Афонскому образцу и обновление монашества в России, стали иные его дела: перевод и издание трудов святых Отцов

Церкви. До него имелись переводы некоторых аскетических творений, но источник монашеского просвещения был очень слаб. Его усилиями появились церковнославянские переводы творений святых Антония Великого, Макария Великого, преподобного аввы Исаии, Марка подвижника, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова, Григория Паламы и многих других, позже напечатанные стараниями митрополита Гавриила (Петрова). Последние годы жизни старец Паисий провел в большом Нямецком монастыре. И там он, желая передать монашеству «мед, истекающий из уст святых отцов», днями и ночами продолжал работу над переводом, сличая различные привезенные с Афона списки древних текстов. Из его переводов и составились настольные книги каждого инока: «Добротолюбие», многотомное собрание изречений и поучений великих Отцов Церкви IV–XIV веков, «Лествица» аввы Дорофея и «Поучения» преподобного Исаака Сирина. Спустя пять десятилетий обе традиции преподобного Паисия Величковского – строгая монашеская жизнь и распространение святоотеческих творений – возродились в Оптиной пустыне.

В Оптину пригласили братьев Тимофея и Александра Путиловых. Они были пострижены в монашество с именами Моисей (1782–1862) и Антоний (1795–1865) и основали скит на границе монастырских владений, близ пасеки, где жил в уединенной келье старец Иоанникий (96, с. 71). Скит находился в полукилометре от обители, в сосновом бору, и был обнесен деревянным забором. Справа от ворот позднее был поставлен небольшой домик, в котором старцы принимали народ. В скит редко приглашали гостей, женщинам вход туда был запрещен.

Вскоре, в 1825 году, игумен Моисей был поставлен настоятелем Оптиной пустыни, которой управлял 37 лет. При нем обитель совершенно преобразилась. Увеличилось число братии, почти вдвое выросла площадь монастырских угодий, были заложены фруктовые сады, начато разведение хороших пород рогатого скота, продолжалось церковное строительство, устроены корпуса монашеских келий, гостиницы, большая библиотека, заводы и мельница.

Но более важным стало то, что при новом настоятеле церковные службы стали совершаться более благолепно, возвысился нравственный строй обители. Игумен Моисей пригласил еще нескольких пустынножителей, принадлежавших к школе старца Паисия. Богослужебный устав соблюдался с особой строгостью, братия была обязана присутствовать на богослужениях. Благодаря этому в период настоятельства преподобного Моисея сформировался особый дух Оптиной, особый строй ее внутренней жизни.

Пустынь жила по строгому общежительному уставу. У каждого инока была своя келья. Послушники и монахи, число которых в те годы составляло около 300 человек, получали послушания от настоятеля или келаря: это были работы в гостинице, на скотном дворе, в пекарне, в храме, в саду, в библиотеке и т. д. И настоятель, и монахи ничего не имели в личной собственности, все вместе с настоятелем вкушали пищу в трапезной; даже такую мелочь, как чай или сахар, монахи получали от пустыни, не говоря об одежде и обуви. Лишь для старцев в скиту пища готовилась отдельно и приносилась им в келью (159, с. 345). Внутренний дух пустыни, по воспоминаниям современников, был настолько единым, так глубоко проникал в сознание и души ее насельников, что настоятелю или старцам не было надобности принуждать к чему-либо иноков или делать им выговоры. Этот строгий и возвышенный дух обители влиял и на богомольцев.

Немало средств тратилось в Оптиной на дела благотворительные. В те годы большой приток богомольцев для иных монастырей превращался в тягость, ведь следовало голодным дать хлеба, немощных обеспечить деньгами, больных вылечить, а средств недоставало. Да и церковная власть не поощряла «чрезмерную щедрость» монахов, и епархиальные консистории следили за этим. Иеромонах Леонид (Кавелин) как-то недоуменно спросил игумена Моисея: «Как же это вы, батюшка, пишете в расход на дрова то, что роздано беднякам?». «Ведь народ-то, чадо мое, приносит свои лепты в наше распоряжение, а не консистория, – ответил игумен. –

А консистория разве позволит нам раздавать беднякам так щедро, как мы это делаем? Да это – самая невинная ложь и безгрешная!» (60, с. 136).

В начале управления отцом Моисеем монастырем там находилось 40 иноков, а к 1863 году – уже 108 человек. Настоятель со своими сотрудниками – старцами привлек к обители многих почитателей и богомольцев, многие из которых выражали свое усердие к обители денежными вкладами, на проценты с которых содержалась братия и ее благотворительные заведения. Объем вечных вкладов за эти десятилетия возрос с 4120 до 70 730 рублей (96, с. 144–145).

Н. В. Гоголь не раз бывал в Оптиной, свидетельством чему стало его обращение к игумену Моисею: «Так как всякий дар и лепта вдовы приемлется, то примите и от меня небольшое приношение по мере малых средств моих: двадцать пять рублей на строительство обители вашей, о которой приятное воспоминание храню всегда в сердце моем». Его письмо от 25 июля 1852 года, обращенное к иеромонаху Филарету, более значительно и показывает, что писатель видел в отце Моисее не только монашеского администратора, но и духовного наставника: «Ради самого Христа – молитесь обо мне, отец Филарет. Просите Вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится, – просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо; и силы мои не только ничтожны, но их и нет без освежения Свыше. Говорю вам об этом не ложно. Ради Христа обо мне молитесь. Покажите эту мою записочку отцу игумену и умоляйте его вознести свои молитвы обо мне, грешном, чтобы удостоил Бог меня, недостойного, поведать славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердный, сделать все: и меня черного, как уголь, убелить и вознести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа молитесь: мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейских дрязг и на всяком месте своего странствования быть как бы в Оптиной пустыне. Бог да воздаст вам всем за ваше доброе дело. Ваш всей душой Николай Гоголь» (78, с. 595).

Отец Антоний, младший брат архимандрита Моисея, по воспоминаниям современников, был такой добрый и кроткий человек, такой «любовный», что покорял своим обращением самых строптивых людей. К. Н. Леонтьев вспоминал: «Я знал коротко одного петербургского литератора, человека по характеру гордого, закоснелого атеиста, ненавистника религии и Церкви, который, уважая и любя отца Антония лично, только у него одного из всех встречавшихся ему духовных лиц целовал с любовью и почтением руку. И делал он это сознательно, говоря, что этот Антоний «единственный поп, которого он чтит и любит!» (83, с. 192).

В 1829 году в Оптину вернулся иеромонах Леонид (Лев) (Наголкин, 1768–1841), ставший первым из известных старцев обители. Он получил известность прозорливостью и мудростью. Великой заслугой старца Леонида стало распространение старчества не только на монашествующих, но и на внешний мир. Старчество благодаря ему вышло из монастырского укрытия и стало благословением для всех людей, жаждущих духовной помощи и совета. Простота его характера и широта воззрений, просветленные христианской мудростью, привлекали самые широкие слои народа, и верхи и низы общества. Свои советы и наставления, иногда и обличения старец облакал подчас в шутивную форму.

Из поучений преподобного Льва: «Всякий, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится: при помощи Божией нет ничего неудоисполнимого, а для маловера и пылинки кажется горodom.

Преподобный Лев Оптинский

Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, поступки и обращение к тебе других; если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь.

Где смирение, там и простота, а сия Божия отрасль не испытывает судеб Божиих.

Бог не презирает молитвы, но желания их иногда не исполняет единственно для того, чтобы по Божественному Своему намерению устроить все лучше. Что было бы, если бы Бог – Всевидец – совершенно исполнял наши желания? Я думаю, хотя не утверждаю, что все бы земнородные погибли.

Высокомерие при добродетелях богопротивно.

Живущие без внимания к самим себе никогда не удостоятся посещения благодати».

На памятнике, водруженном на его могиле, написано: «Оставил о себе память в сердцах многих, получивших утешение в скорбях своих» (159, с. 346).

2

После кончины отца Леонида (Льва) его преемником в старчестве стал иеромонах Макарий (Иванов, 1788–1860). Прием посетителей, все возраставших в числе, ответы на письма

с жизненно важными для людей вопросами, окормление самих монашествующих занимали большую часть времени отца Макария. Он был великим учителем смирения. В его учении, писал И. М. Концевич, «как в тихой водной глади отразилось все звездное небо святоотеческого учения» (78, с. 182). До нас дошли многие письма старца. В частности, он писал: «В основу всякого созидания надо класть правильное основание: от этого зависит доброкачественность и прочность творимого»; «Благодетельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет православную веру; деньги к себе притягивает» (78, с. 183, 184). Но помимо этого, отец Макарий стал основателем нового для обители дела – издательского.

Важность этого дела объясняется тем, что по указу Петра I и иным законам Российской империи печатание книг духовного содержания предоставлено было «на усмотрение Святейшего Синода» и только в церковной типографии. Из-за этого лишь одна аскетическая книга «Добротолюбие» вышла в свет в 1793 году. Православный читатель оказался лишенным духовной литературы (он к тому же не мог читать Священное Писание на русском языке – оно было на церковно-славянском, а полный русский перевод появился лишь в 1876 году). Труды святого Исаака Сирина можно было достать только в рукописи. Между тем светская печать во множестве издавала переводные книги лжемистического направления, подчас враждебные Православию. Умы людей смущались, а не всякий священник был в состоянии показать ложность взглядов Экартсгаузена, Юнга Штиллинга или иных авторов, проникнутых католическим, а то и масонским духом.

Преподобный Макарий Оптинский

Но вот в 1844 году Иван Васильевич Киреевский, во многом типичный представитель московского дворянства, обратился к своему духовнику отцу Макарию Оптинскому с предложением поместить в его журнале «Москвитянин» статью духовного содержания. Отец Макарий тут же предложил напечатать имевшуюся у него рукопись Жития преподобного Паисия Величковского. Она была опубликована в двенадцатом номере за 1845 год и украшена портретом старца Паисия.

Летом следующего года старец Макарий приехал в Долбино, имение Киреевского в 40 верстах от Оптиной, дабы поддержать того в тяжелое время: умерли отчим, дочь и двое друзей Ивана Васильевича. В утешительных разговорах речь зашла о недостатке книг христианского содержания, и отец Макарий сказал об имевшихся у него рукописях святоотеческих переводов, сделанных преподобным Паисием. «Что мешает явить миру эти духовные сокровища?» – поразились Киреевский и его жена, Наталья Петровна (в свое время приведшая мужа-атеиста

в Церковь). Отец Макарий по монашескому обыкновению ответил, что он таким делом никогда не занимался, что, быть может, на это нет воли Божией. Однако вскоре было получено благословение святителя Филарета, митрополита Московского, и обещание содействия со стороны университетского профессора Степана Петровича Шевырева. Игумен Моисей и брат его Антоний также предоставили для издания имевшиеся у них рукописи. Митрополит Филарет сам правил некоторые трудные места по греческому подлиннику, найденному им в Троицкой Лавре (78, с. 180).

Книга «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с присовокуплением предисловий на книги святых Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского...» вышла в свет в начале 1847 года, вскоре была напечатана вторым изданием, а некоторые ее части вышли отдельными оттисками (73, с. LIV). Всего с 1847 по 1860 год отец Макарий участвовал в подготовке и издании 15 книг.

Близкими помощниками отца Макария стали молодые монахи Амвросий (Гренков, 1812–1891), отец Ювеналий (Половцев) и Леонид (Кавелин), впоследствии также отец Климент (Зедергольм). Вторым впоследствии стал архиепископом, третий был назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, а первый упрочил известность Оптиной, став почитаемым старцем.

Слава об Оптинских старцах между тем распространялась по России. Н. В. Гоголь как-то из имения Киреевского отправился в Оптину. За две версты от обители писатель со своим спутником М. А. Максимовичем вышли из экипажа и пошли пешком до самой обители. На дороге они встретили девочку с миской земляники и хотели купить у нее ягод. Девочка, видя путешествующих людей, не захотела взять от них денег и отдала им землянику даром. «Пустынь эта распространяет благочестие в народе, – сказал Гоголь. – Я не раз замечал подобные влияния таких обителей». О своем посещении Оптиной пустыни Гоголь писал летом 1850 года своему близкому знакомому графу А. П. Толстому: «Я заезжал по дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминанье. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там царствует. Это слышится в самом наружном служении... Нигде я не видал таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь его благоухание: все становятся приветливее, поклоны ниже и участие к человеку больше» (78, с. 594).

Стоит заметить, что великого писателя встречали в обители приветливо, однако к его сочинениям относились с высокими православными мерками. В Оптинской библиотеке сохранился отзыв святителя Игнатия (Брянчанинова, 1807–1867) на книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», которая по мысли Гоголя должна была осветить сердца людей светом христианской истины, переписанный рукою отца Макария. Святитель Игнатий, близкий по духу оптинскому монашеству, отозвался о ней так: «Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для религии этого мало. Чтобы она была истинным светом для человека собственно и чтобы издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходима и нужна в ней определительность. Определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении ее от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным... Посему желающий стяжать определительность глубоко вникает в Евангелие, по учению Господа направляет свои мысли и чувства. Тогда он может отделить в себе правильные и добрые мысли и чувства. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь сказал после Тайной вечери ученикам Своим, яко образованным уже учением истины: *Вы уже очищены через слово, которое*

Я проповедал вам (Ин. 15, 3). Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, чтобы светил фонарь, недостаточно одного вымывания стекол, нужно, чтобы внутри его была зажжена свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очи-

стив их истиною, Он оживил их Духом Святым, и они сделались светом для человеков. До принятия Духа Святого они не были способны научить человечество, хотя и были чисты. Сей ход должен совершаться с каждым христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва просвещение истиною, потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтобы Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если человек будет руководствоваться прежде очищения его истиною своим вдохновением, то он будет издавать из себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни на себя и поверь сердечным опытом слова мои: как они точны и справедливы, скопированы с самой природы. Применив сии основания к книге Гоголя, можно сказать, что он издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного, неясного, безотчетного, душевного, а не духовного. Так как Гоголь писатель, а в писателе *от избытка сердца говорят уста* (Мф. 12, 34), или: сочинение есть непременно исповедь сочинителя, по большей части им не понимаемая... то книга

Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение. Желательно, чтобы этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех благ. По сей причине советую всем друзьям моим по отношению религии заниматься исключительно чтением святых отцов, стяжавших очищение и просвещение, как и апостолы, и потом уже написавших свои книги, из коих светит чистая истина и которые сообщают читателю вдохновение Святого Духа. Вне этого пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, всюду мрак, всюду стремнины и пропасти. Аминь» (78, с. 596–597).

Из прочитанного выше было бы неверно сделать вывод о том, что отец Макарий буквально следовал жестким заповедям святителя Игнатия – нет, он не пренебрегал вовсе делами мирскими. Напротив, в 1840–1850-е годы, когда Российская империя переживала жестокий кризис, ставший очевидным в неудачах Крымской войны 1853–1856 годов, когда жесткий бюрократический гнет николаевского царствования сковывал свободное проявление талантов и способностей многих людей, оптинский старец благословлял на активность в жизни. «Не должно искать или просить, чтобы вас избрали на какую бы то ни было должность, – говорил он дворянину, сомневавшемуся, следует ли идти служить, – но ни в каком случае не должно и отказываться, ибо не совсем добросовестно уклоняться от служения обществу, тем более, что ежели жребий служения падает на вас, то это, конечно, не без Промысла Божия, которому каждый из нас смирением и любовью должен покоряться. Наконец, ежели никто из благонамеренных и способных людей не захочет служить, то поневоле место его займет какой-нибудь малознающий или, того еще хуже, человек с малыми средствами к жизни, который иногда будет не в силах устоять против искушений денежных, могущих встретиться на службе... а кто виноват? Вы сами, потому что ленились служить...» «Конечно!» – с готовностью согласился дворянин, отвергая для себя саму возможность наживаться от службы. «Ой, как вы нехорошо говорите! – почти с гневом воскликнул старец. – Какие у вас горделивые мысли! Как можно так самонадеянно говорить? Понятно, что вас не соблазнят сто рублей или тысяча... а если бы представился вам случай приобрести миллион, несколько миллионов, и приобрести их с надеждою – авось не узнают, что бы вы сделали? Я вам на это отвечу так: если обратитесь к Господу, то Он поможет и сохранит вас от постыдного падения; а если понадеетесь на себя, то весьма немудрено, что впадете в преступление, от чего да сохранит вас Господь Бог и Царица Небесная!» (104, с. 253).

И люди тянулись в Оптину. Известный русский писатель К. Н. Леонтьев в конце жизни приехал сюда и в 1891 году принял монашество с именем Климента – видимо, потому, что близкий друг его Константин Карлович Зедергольм, сын реформатского суперинтенданта, блестящий студент историко-филологического факультета Московского университета, защитивший

магистерскую диссертацию, чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре Святейшего Синода, то есть человек, делавший успешную по мирским меркам карьеру, неожиданно для близких принял Православие, прожил в Оптиной пустыне 15 лет и скончался там монахом Климентом.

«Почему вы избрали такой путь?» – спросил его как-то, еще будучи дипломатом, Леонтьев. «Я шаг за шагом, мыслью дошел до необходимости стать монахом, – ответил отец Климент. – Я хотел поступить сюда еще раньше, чем пришлось. Но случилось так, что в Петербурге я кое с кем перессорился; покойный оптинский старец, отец Макарий, узнав об этом, сказал мне: “Нет, поезжай, еще послужи, помирись со всеми и тогда приезжай”. Когда я вернулся и вошел к отцу Макарию, я увидел у него в келье видного молодцеватого мужчину с окладистой бородой, в новом подряснике. Это был богородицкий предводитель Ключарев, богатый человек, поступивший тоже в послушники Оптинского скита. Я был с ним знаком, но так как он прежде брился и носил обыкновенное штатское платье, то я его и не узнал. В подряснике и с бородой он стал гораздо красивее. Отец Макарий немного погодя сказал: “Что ж, не пора и тебе надеть подрясник? Вот, посмотри, Федор Захарыч Ключарев каким у нас молодцом стал!”. Я отвечал, что очень рад, и так стал монахом...» (83, с. 187).

Отец Климент (Зедергольм), будучи иеромонахом, принимал участие в богослужении, по собственному рвению следил за порядком в обители, вызывая ворчание братии на «немца-аккуратиста». Помимо участия в издании святоотеческих творений, он составил жизнеописания оптинских старцев, из которых самые известные – жизнеописания преподобных Леонида (Наголкина) и Антония (Путилова). По мнению К. Н. Леонтьева, написавшего его биографию, «драгоценнее всего ему было очищение его внутреннего мира от всякой страсти, от всякой греховности. Он боялся донельзя и гнева своего, и самолюбия, и воображения, и лени. Он трепетал своих грехов, и, при всем видимом спокойствии его в обыкновенное время, при всей веселой простоте его обращения, очень часто проглядывала в нем эта внутренняя его тревога за свою душу и за свою совесть» (83, с. 197).

3

Во второй половине XIX века Оптина сделалась известной прежде всего своим скитом и его старцами. Круглый год сюда притекал поток паломников.

«Скит построен в самом лесу, очень близко, впрочем, от монастыря, всего в минутах в десяти ходьбы. К нему идет убитая щебнем дорожка в тени великолепных деревьев. Главная дорожка случайно или по верному художественному чувству распорядителей идет не совсем прямо, а чуть заметно уклоняясь в сторону; от этого скит долго не виден, но потом вдруг из чащи предстают вам скитские ворота. Они имеют вид как бы небольшого храма, розового цвета, с одною белою главой наверху. Самый выбор этих цветов чрезвычайно удачен. Это так “тепло” и красиво – и летом в густой зелени леса, и зимой в снегу, из которого поднимаются суровые ели и сосны с их огромными, снизу грубочешуйчатыми, а наверху нежно-планшевы-ми мачтовыми стволами, – описывал скит К. Н. Леонтьев. – По обеим сторонам дверей, под этими воротами на стене изображены почти все главные подвижники и учителя монашества: Антоний Великий, Нил Сорский, Исаак Сирий и другие... Внутри, со стороны скита, на этих розовых, как бы мирно-радостных и приветливых воротах изображена икона Знамения Божией Матери (этот образ имелся в Предтеченском храме скита и особенно почитался иноками). Под иконой есть подпись: “Все упование мое на Тебя возлагаю, Матерь Божия! Сохрани меня под кровом Твоим!”. Кто, войдя в ворота скита, обернется, тот непременно прочтет эту подпись, и она на многих действует с особенною силой» (83, с. 177).

В 1860-80-е годы люди тянулись к старцу Амвросию (Гренкову, 1812–1891). Его путь в монашество был никак не рассудочный. Окончив с отличием семинарию, он стал служить

учителем в духовном училище. Как-то тяжело заболел, надежды на выздоровление почти не было, и он дал обет в случае выздоровления пойти в монастырь, но не пошел. По словам самого старца, «жался, не решался сразу покончить с миром». Летом 1839 года по дороге в Троицкую Лавру Александр Гренков со своим другом заехал к старцу Илариону в Троеруково. Умудренный монах сказал Гренкову: «Иди в Оптину, ты там нужен», а другу посоветовал пока пожить в миру. Пометавшись несколько дней, молодой учитель тайно ото всех сбежал в Оптину.

В 1842 году Александр был пострижен в монашество, в 1845 году был рукоположен в сан иеромонаха. После смерти опекавшего его старца Леонида несколько лет он был келейником старца Макария, помогал в составлении ответов на письма, а потом и вовсе стал сам составлять ответы, которые отец Макарий лишь подписывал. В эти годы проявились не только знания кандидата богословия, изучившего французский, греческий, древнееврейский языки, историю и литературу, но и дар человековедения. После кончины старца он естественно занял его место духовника обители. Между тем после тяжелой болезни в 1846 году он был признан инвалидом, не мог совершать церковных служб и был выведен за штат. И все же он трудился почти целый день.

Каждый день с раннего утра возле крыльца его «хибарки», выстроенной у ворот в скит (чтобы можно было принимать женщин), выстраивалась толпа самых разных людей. Келейник вводил их к старцу, а то и сам он выходил на крыльцо, оглядывая богомольцев. Его лицо было лицом настоящего русского крестьянина, с белой бородой и умными глазами, взгляд которых проникал глубоко в человеческое сердце. Он неизменно был скромн и благодушен. В его речах посетители обнаруживали изумительно богатый опыт, знание жизни и людей.

Из поучений преподобного Амвросия: «Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем “мое почтение”».

Уныние от тщеславия и от диавола. Уныние бывает от тщеславия, когда не по-нашему делается, другие толкуют о нас не так, как бы нам хотелось, а также от непосильного рвения – трудов, понуждения.

Древних христиан враг искушал мучениями, а нынешних – болезнями и помыслами.

Господь в Гефсиманском саду плакал о том, что знал: не многие воспользуются Его крестными страданиями, но многие по злой воле уклонятся от спасения».

Каждый вопрос и каждую просьбу старец рассматривал с одинаковой серьезностью и вниманием, не жалея сил и времени на просителей. А между тем он был очень тяжело болен, после 1868 года уже не мог ходить в церковь и причащался в келье; он ел только протертую пищу, и в количестве, какого хватало трехлетнему ребенку.

Преподобный Амвросий Оптинский

Необъяснимо здравым смыслом, как в таком состоянии он мог принимать десятки мирян и монахов (приходивших на исповедание помыслов) и отвечать на десятки писем. Болезнь оказала большое влияние на его жизнь и взгляды. Благодаря ей он получил особую прозорливость. «В монастыре полезно быть немного больным, – не раз говорил он позже. – Монаху не следует серьезно лечиться, а нужно только подлечиваться».

Вместе со старчеством отец Амвросий унаследовал от старца Макария и руководство изданием святоотеческой литературы, но в этой деятельности не находил полного удовлетворения. Души людей ему казались важнее книг. К нему шли крестьяне, купцы, аристократы, интеллигенты. Среди известных литераторов приезжали граф А. К. Толстой, М.П. Погодин, Н.

Н. Страхов. В июне 1878 года Владимир Соловьев привез Федора Михайловича Достоевского, тяжело переживавшего смерть сына Алеши. После беседы со старцем писатель написал роман «Братья Карамазовы», в котором создал незабываемый образ старца Зосимы, описав в книге скит и отца Амвросия. Точности ради следует сказать, что, по воспоминаниям В. С. Соловьева, писатель возбужденно спорил со старцем о своем понимании христианства (46, т. 1, с. 18).

Трижды к нему приезжал Лев Толстой и поначалу осознал в Оптиной всю несостоятельность своих критических замечаний в отношении православного благочестия, сказав о старце: «Этот отец Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним – и как-то легко и отраднo стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога» (159, с. 439). Во второй свой приезд Толстой рассказал об идеях социального равенства и о своей мечте всех сделать крестьянами. На это отец Амвросий ответил ему: «Ищите совершенства, но не удаляйтесь от Церкви». Однако в свой последний приезд Толстой проявил меньше смирения и пустился доказывать свое собственное якобы «христианское учение», не принимая увещаний старца. После этой беседы Толстой, чтобы избежать благословения, поцеловал старца в щеку. «Горд очень», – сказал отец Амвросий о своем посетителе. По преданию, в 1910 году, в свой последний уход из Ясной Поляны Толстой стремился в Оптину, но почему-то не доехал...

Посетители Оптиной пустыни бывали поражены прежде всего простотой и сердечностью старца. По воспоминаниям очевидцев, отец Амвросий всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разяснял его и давал ответ тихим, слабым голосом. Но в продолжении десяти – пятнадцати минут такой беседы решался не один вопрос: в это время преподобный вмещал в свое сердце всего человека с его внутренним и внешним миром. Предлагая свое решение, старец имел в виду все стороны жизни, с которыми обсуждаемое дело соприкасалось. Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь и обстоятельства и зачем пришел. Поучения старца были характерны глубоким пониманием разнообразных явлений обычной жизни. То было плодом «Оптинской школы».

По молитвам преподобного Амвросия частыми были исцеления. Иногда он как бы в шутку стукнет по голове – и болезнь проходит. Исцелялись и безнадежные с медицинской точки зрения, например больные туберкулезом горла. Старец предвидел свою кончину. Константину Николаевичу Леонтьеву, пришедшему летом 1891 года просить благословения на пострижение в монашество и переезд в Троице-Сергиеву Лавру, старец дал благословение и сказал: «Ну, мы скоро увидимся». И верно, старец скончался 10 октября того года, а инок Климент 12 ноября.

Преподобный Нектарий Оптинский

По мнению И. К. Смолича, старец Амвросий сумел оказать заметное влияние на проникнутую материалистическим духом и отходящую от Церкви интеллигенцию, в ней он «укрепил церковные взгляды и придал религиозным умозрениям новое направление. Основные представители русской философии уяснили, что главной задачей русского религиозно-философ-

ского творчества является построение православного христианского мировоззрения, вытекающего из богатого содержания христианских догматов, из их применения к жизни. Эти идеи подводят нас к эпохе русских славянофилов и к их представителю в религиозной философии – Ивану Киреевскому. Отсюда путь идет к Владимиру Соловьеву, который объединил отдельные высказывания славянофилов в единую систему, к Достоевскому и другим...» (159, с.439). Кроме того, служение старца Амвросия стало важным этапом в истории русского монашества, он оставил немало учеников, возросших к духовным высотам, среди которых старец Иосиф (Литовкин, 1837–1911), старец Анатолий (Потапов, 1855–1922) и старец Нектарий (Тихонов, 1853–1928). Но время их служения пришлось на тяжелые годы бед и испытаний для России и Церкви.

4

В конце XIX – начале XX века русское общество переживало период бурных перемен, переустройство всего уклада жизни: еще был крепок самодержавный строй, сохранялись в народе любовь к Богу и почитание царя, но в то же время бурно развивалась техника, в повседневную жизнь входили железные дороги, телефон и телеграф; все большую свободу отвоёвывала печать; росло число грамотных; возрастали всевозможные удобства жизни наряду с сохранением множества нищих и голодных. Русское общество оказалось расколотым по отношению к переменам: большая часть полагала возможным более или менее сочетать полезные нововведения с сохранением традиционных основ жизни. Например, бывший революционер Л. А. Тихомиров, прощенный властью и вернувшийся в Россию, писал 21 августа 1890 года К. Н. Леонтьеву по поводу его книги: “Отца Климента” я уже прочел. Это прекрасная книга. Не говоря о том, что сам о. Климент рисуется как живой, меня заинтересовало главным образом не это – но вы объясняете, как никто, православие и монашество... У вас же все приспособление именно к русскому интеллигентному уму. Жаль в высшей степени, что вас мало читают именно те, среди которых ваша проповедь Православия была бы особенно полезна...» (цит. по: 137, с. 239). Но показательно, что, восхищаясь Оптиной и старцами, Тихомиров так и не решился посетить монастырь.

В те же годы меньшая часть российского общества, но самая громкоголосая и активная, была убеждена в необходимости полного отказа от традиции ради успешного преобразования страны на заимствованных у Запада началах прогресса, атеизма и социализма. Митрополит Вениамин (Федченков), вспоминая то время, говорил о «недуховном состоянии России» (32, с. 190). Первым врагом для меньшинства стала Церковь. Оптина испытала удар на себе.

В начале лета 1904 года в монастырь явился некий студент Духовной Академии с рекомендательным письмом от ректора, который просил дать возможность подателю провести каникулы в монашеском послушании. Молодой человек был принят по обыкновению радушно и ласково. Для начала дали первое послушание – на кухне чистить картошку и мыть посуду, потом позволили и петь на клиросе. Всего этого было уже немало, но ученому послушнику показалось недостаточно добросовестного исполнения названных послушаний. И он стал самочинно молиться по ночам вместо отдыха. Старцы позвали академика и увещали его соблюдать меру, исполнять то, что благословлено, иначе можно было впасть в прелесть вражескую. Но самонадеянный умник отвернулся от них, простых, «серых монахов». Вскоре он впал в такое состояние буйного умопомешательства, что пришлось 1 августа посадить его в больницу под замок; небольшое окно там было закрыто железой решеткой.

А 2 августа, когда во Введенском храме пустыни шла утренняя, в тот момент, когда иеромонах Палладий ходил с каждением и алтарь был совершенно пуст, в раскрытые западные ворота церкви вошел некто совершенно голый. Храм был полон народа, у самой входной двери стояли несколько физически крепких монахов, но на всех напал такой столбняк, что никто не

смог двинуться с места. Голый величественной походкой прошел мимо богомольцев, перекрестился перед иконой, вступил на правый клирос – и певчие, все взрослые монахи, в паническом страхе бросились в разные стороны. Тут голый ударом кулака распахнул царские врата, вошел в алтарь, сбросил с престола Евангелие и крест и – встал во весь рост на престоле, подняв кверху обе руки...

Это был тот самый академист. Тут точно кандалы спали с монахов, все разом бросились, подмяли и связали новоявленного бога, который улыбался такой сатанинской, злой усмешкой, что нельзя было смотреть на него без ужаса. Поразительна была его сила, позволившая разломать раму и решетку его заключения, а одного из монахов он так ударил кулаком по ребрам, что след этот сохранился на много лет.

Мудрые из Оптинских подвижников поняли это как предсказанное апостолом Павлом о пришествии *человека греха, сына погибели: в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога* (2 Фес. 2, 4).

Когда академиста водворили в его келью, он сразу пришел в себя. На вопрос, что с ним было, ответил: «Все хорошо помню. Мне это надо было сделать: я слышал голос, который повелевал мне это совершить, и горе было бы мне, если бы я не повиновался этому повелению...» (105, с. 15–19). Оскверненный храм временно закрыли. Провели его малое освящение, но в этом событии явственно виделся прообраз грозного грядущего.

Шестью годами ранее архиепископу Курскому Ювеналию (Половцеву), бывшему ученику старца Амвросия, пришлось пережить не менее страшное событие: взрыв в соборе Знаменского монастыря. Заряд большой мощности был положен у подножия шестисотлетней святыни – Курской иконы Знамения Божией Матери. Разрушения в соборе были огромны, но чудотворный образ остался цел и невредим (169, с. 126).

В 1907 году скитоначальником в Оптиной был назначен отец Варсонофий (Плиханков, 1845–1913), бывший полковник, принятый в скитское братство в 1891 году. Он продолжал служение в качестве старца, принимал богомольцев и иных посетителей, приходивших с вопросами о жизни. В годы русско-японской войны 1904–1905 годов он был послан на фронт в качестве священника при лазарете имени преподобного Серафима Саровского. В нем современники прежде всего отмечают ту же черту, которая была присуща и его духовным наставникам – старцам Амвросию и Анатолию (Зерцалову, 1824–1894), – доброту, светлую ласковость. За короткое время отец Варсонофий стал великим старцем, без совета с ним настоятель монастыря архимандрит Ксенофонт ничего не предпринимал. С народом старец беседовал на разные темы, особенно предостерегая интеллигенцию от увлечения толстовством, а простых людей – от искушений сектантов.

Из поучений преподобного Варсонофия: «Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а когда начинаешь жить хорошо, сразу – скорби и искушения.

Есть грехи смертные и есть не смертные. Смертный грех – это такой грех, в котором человек не кается. Смертным он называется потому, что от него душа умирает и после смерти телесной идет в ад.

Женщина без веры жить не может. Она, после временного неверия, опять возвращается к Богу.

Если бы желающие поступить в монастырь знали, какие скорби ожидают их, то никто бы не пошел в монастырь. Господь скрывает эти скорби. А если бы люди знали, какое блаженство ожидает иноков, то весь мир бы побежал в монастырь. Сущность нашего монашеского жития – борьба со страстями...».

Протоиерей Василий Шустин, будучи студентом Горного института, приехал в Оптину и после пребывания пришел к старцу Варсонофию прощаться: «Я имею обычай благословлять своих духовных детей иконами, – сказал старец. – У меня их в ящике много, и самые разнообразные, и вот я с молитвою беру первую попавшуюся икону и смотрю, чье там изображе-

ние...». Он достал икону Божией Матери “Утоли мои печали” и задумался: “Какие же такие великие печали у тебя будут? Нет, Господь не открывает”. Благословил меня ею и опять с лаской прижал мою голову. И вот тут, на груди у старца чувствуешь глубину умиротворения и добровольно отдаешься ему всем сердцем» (78, с. 333).

Преподобный Варсонофий Оптинский

Но доброта старца была строга. В беседе с исповедниками он, не называя никого по имени, рассказал, как некто вместо церковной службы пошел в театр, а другая, желая отомстить изменившему кавалеру, подставила ему подножку на катке и тот сломал руку. Потом обнаружилось, что среди исповедников были люди, совершившие эти грехи и совсем о них забывшие. Одной девушке после трудной и сложной исповеди, когда она, пораженная прозорливостью отца Варсонофия, смотрела на него в изумлении, он сказал: «После всего, что Господь открыл мне про тебя, ты захочешь прославлять меня как святого – этого не должно быть, слышишь? Я – человек грешный. Ты никому не скажешь, что я открыл тебе на исповеди, и маме не будешь говорить, а станет мама спрашивать, отчего плакала, скажешь – исповедовал батюшка, говорили по душе, ну, о грехах и поплакала. Много-много есть из твоих подруг, гибнущих именно потому, что не все говорят на исповеди. А есть одна из твоих знакомых и подруг, имени ее не знаю, но что есть она и близка ее погибель – знаю. Так ты всех посылай в Оптину помолиться и ко мне направляй, – зайдите, мол, там к отцу Варсонофию на благословение, а уж мое дело спасти» (53, с. 280).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.